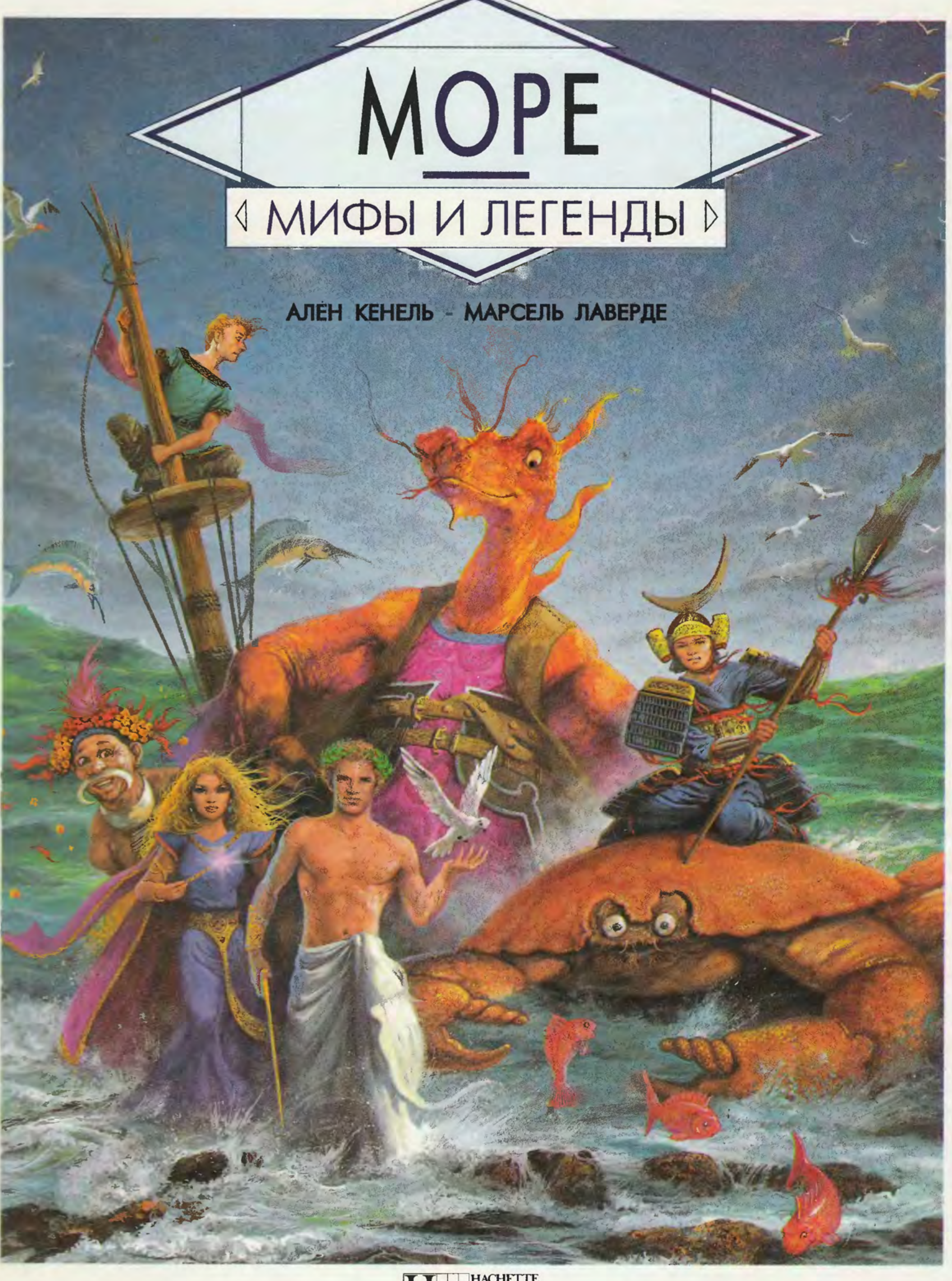
МОРЕ

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

АЛЁН КЕНЕЛЬ - МАРСЕЛЬ ЛАВЕРДЕ

HACHETTE Jeunesse

МОРЕ
МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Текст Алена Кенеля

Иллюстрации Марселя Лаверде

Перевод с французского
Галины Калашниковой

АШЕТТ ДИАЛОГ
ПАРИЖ МОСКВА

Запретный остров Шумер

Много недель и дней бежал в отчаянии Гильгамеш, царь Урука. Он был высокого роста и богатырского телосложения, но смертельная усталость уже давала о себе знать и сковывала движения. Когда умер Энкиду, его самый близкий друг, убитый горем Гильгамеш поклялся победить смерть.

Покинув свой полный блеска и роскоши дворец, он отправился на поиски Утнапиштима — единственного человека, ставшего, по слухам, бессмертным. Чувство горечи не покидало Гильгамеша во время его скитаний, трудных и пока бесплодных. Однажды со склона лесистого холма его взору открылся безбрежный и мрачный океан. На пустынном берегу виднелась одинокая скромная хижина. Из последних сил герой спустился вниз и подошел к хижине. Его приветливо встретила нимфа по имени Сидури, предложив ему по законам гостеприимства поесть и отдохнуть. Когда Гильгамеш рассказал о том, что привело его в эти края, Сидури вздохнула и произнесла:

«Зачем тебе, о великий царь, гоняться за недостижимой целью? Ты не получишь бессмертия: оставайся человеком и постарайся достойно прожить отмеренное тебе время. Но если ты упорствуешь в своем безумии, то знай, что сейчас неподалеку отсюда находится Уршанаби, корабельщик Утнапиштима. Быть может, он сумеет тебе помочь».

Гильгамеш поблагодарил хозяйку и поспешил на поиски моряка. После долгих блужданий он заметил странного человека, нагружавшего судно столь же непривычного, сколь и зловещего вида.

Гильгамеш приблизился и спокойно заговорил с незнакомцем о своем намерении встретиться с Утнапиштимом. Уршанаби — это был именно он — заворчал. У него не было ни малейшего желания брать кого-то в свою лодку. Хозяин запрещал ему это делать, не говоря уже о том, что для простого смертного такое путешествие было бы гибельным.

«Разве не знаешь ты, царь Гильгамеш,— сказал он,— что вокруг запретного острова, где живет Утнапиштим, простираются воды смерти? Ты умрешь, если на тебя попадет хотя бы одна капля. Плыть со мной — чистое безумие...» Но эти слова не остановили царя, который заявил, что все равно сядет в лодку, даже если придется применить силу. Видя его решимость, моряк согласился в конце концов взять его с собой. Однако перед отплытием он попросил Гильгамеша нарубить в соседнем лесу сто двадцать шестов, чтобы благополучно миновать омывающие остров смертельные воды. Гильгамеш отправился в лес не мешкая и вернулся через несколько дней с запасом прочных длинных шестов.

Судно вышло в открытое море, оставляя за собой полосу белой пены, резко выделявшуюся на иссиня-черной воде. Море было тихим и спокойным. Но что творилось в его неизведанных глубинах?

Шел сорок пятый день путешествия, когда Уршанаби внезапно закричал: «Берегись, Гильгамеш! Мы входим в воды смерти. Помни: малейшее соприкосновение с ними будет для тебя роковым!»

Схватив огромный шест, Гильгамеш погрузил его в темную воду и, упершись ногами о дно лодки, сдвинул ее с места. Зная, что даже капля воды для него опасна, он выпустил шест из рук и, беря один за другим следующие, продолжал свою титаническую работу. Уршанаби, бессмертный, как и его хозяин, лишь наблюдал за ним, сидя у руля.

В туманной дали показались размытые очертания острова. Гильгамеш ликовал, считая, что самое страшное осталось позади, как вдруг заметил, что в воде остался его последний шест. Запас их кончился, а лодка все еще находилась в водах смерти. Но он был скор на выдумку, и внезапно его осенило: сняв с себя одежду, он прикрепил ее к носу судна. К счастью, поднялся ветер, надул самодельный парус и пригнал судно к берегу.

За высадкой Уршанаби и Гильгамеша наблюдал с высокого мыса величавый старец. Он спустился им навстречу и сказал герою: «Привет тебе, Гильгамеш! Я Утнапиштим. Я ждал тебя. Напрасно ты ищешь бессмертия. Однако твое мужество заслуживает награды, и я с радостью встречаю тебя на земле, на которую не ступал еще ни один смертный».

В ПОИСКАХ БЕССМЕРТИЯ

Потоп

тнапиштим удобно устроил Гильгамеша в своем жилище, а когда герой отдохнул, спросил его: «Зачем, о великий царь, ты прибыл сюда? Отчего ты думаешь, что я могу тебе помочь?»

Гильгамеш сказал благородному старцу, что ради тайны бессмертия он готов пройти через любые испытания, которым тот его подвергнет. Утнапиштим вздохнул: «Ты ошибаешься, Гильгамеш. Я не могу дать тебе то, что ты просишь, просто потому, что подобной тайны не существует. Позволь рассказать тебе мою историю».

После недолгого молчания старец продолжал: «Давным-давно, несомненно, много веков назад, ибо я потерял счет времени, люди стали злыми, порочными и развращенными. Они не уважали больше законов, не чтили богов. Всеведущий Эа, грозный Мардук и все другие боги сильно разгневались. Они решили уничтожить нечестивый и развращенный людской род. Однако владыка Эа послал мне — единственному из людей — предупреждение, оставив всех прочих в неведении. По его приказу я собрал лучшие кедровые доски, какие только мог найти. С помощью Уршанаби я построил большой корабль. Ты догадываешься, что это заняло очень много времени! Люди смеялись надо мной, но, не обращая внимания на насмешки, я работал без отдыха. Когда корабль был готов, я, по совету Эа, проконопатил его древесным дегтем. Я загнал туда всех животных со своего подворья, потом на корабль взошли мы с женой. Уршанаби взялся за руль. Мы стали ждать.

Внезапно небо закрыли тяжелые свинцовые тучи. В одно мгновение они поглотили солнечный свет. Был разгар дня, а казалось, что наступила глубокая ночь. Затем тучи прорвало, и с неба на землю хлынули настоящие водопады. Меня коснулось крыло Птицы Бурь, которая носилась над водой под яростные завывания ветра. Море вышло из берегов, и волны поднялись выше гор. Хижины и дворцы были смыты, как сор. Ничто не устояло перед стихией, утонули все.

Шесть дней и семь ночей над землей бушевали ураганы, а вода непрестанно прибывала. Наше судно попадало в ужасающие водовороты, его кидало во все стороны, и захлестывали все более грозные валы. Однако милостью Эа оно не потонуло.

На рассвете седьмого дня в ясном небе взошло солнце. Безбрежное море вокруг вновь было спокойно. Мы устроили большой праздник, чтобы возблагодарить богов. Вода стала понемногу спадать, и вскоре судно опустилось на склон горы.

Мы уже собирались высадиться на землю, как с небес на нас обрушился могущественный бог ветра. Он приказал нам не сходить с корабля и с быстротой урагана погнал его по волнам к этому острову в ином мире. Там-то мы и узнали волю богов: они сделали нас бессмертными для того, чтобы, вечно живя в этом недоступном мире, мы были памятью о прежнем человечестве.

Вот почему, Гильгамеш, я не могу открыть тебе тайну бессмертия. Мне его подарили, но я не знаю, как его можно обрести».

Гильгамеш задумчиво покачал головой. История, о которой ему поведал старец, не изменила его решения продолжать поиски. Упорствуя, он спросил у старца: «А что делать мне, Утнапиштим?»

Старик понял, что герой не хочет признать истину. А потому предложил ему испытание, хотя и знал, что оно совершенно ничего не даст: «Иди на берег моря, Гильгамеш. Моли богов семь дней и семь ночей не смыкая глаз. Быть может, они смягчатся при виде твоего мужества».

Гильгамеш отправился на берег и несколько часов горячо молился богам.

Однако, изнуренный приключениями, он заснул вечером первого же дня. Сон его продлился все отведенное для испытания время. Каждый день супруга Утнапиштима клала рядом с ним испеченный ею хлебец.

Когда герой пробудился, рядом с собой он увидел старца, сказавшего ему: «Ты потерпел неудачу, Гильгамеш. Тебя одолел сон». Царь Урука попытался было это отрицать, но увидел возле себя шесть черствых хлебцев и один еще свежий. Он опустил глаза и признал свое поражение. Утнапиштим вознаградил его за доблесть, вернув ему молодость и красоту. На прощание он дал ему совет: «Перестань думать о смерти, царь. Постарайся хорошо прожить отведенное тебе время».

На корабле, отвозившем его в мир людей, Гильгамеш думал об этих словах, и внезапно волна радости захлестнула его грудь: правда, он не обрел бессмертия, зато постиг то, что важнее всего для человека,— мудрость.

ЦАРЬ ОБЕЗЬЯН

На дне Восточного моря Китай

Проворно перепрыгивая с ветки на ветку, четыре старых обезьяны спешили к трону своего царя Сунь Укуна. Два мандрила с красными задами и две бесхвостых обезьяны — советники государя — очень торопились. И по важному делу. Когда они предстали перед царем, он сказал им:

«Мудрые старцы, я встревожен... Впрочем, не стоит преувеличивать, я лишь немного озабочен. Во время своих многочисленных приключений я приобрел много оружия. Наша армия сейчас хорошо оснащена и обучена. Это может возбудить подозрение у царей, властвующих над людьми, птицами и животными, и они захотят на нас напасть. Итак, мне нужно такое оружие, чтобы отбить у них к этому всякую охоту».

Придворные посовещались, и один из них заявил: «Государь, вы бессмертны. Никакое земное оружие вам не подойдет. Мы знаем, где есть оружие, о котором вы говорите, но за ним придется спуститься на дно океана. Способны ли вы на это?»

Сунь Укун расхохотался: «Я могу принимать семьдесят два различных облика, ездить верхом на тучах, я не тону в воде и не горю в огне. И лишь если силы подводного царства объединятся, они смогут меня одолеть. Так чего же мне бояться? Скажите-ка лучше, как попасть в подводный мир?»

Четверо мудрецов все подробно ему объяснили, и он тут же отправился в путь к железному мосту, под которым протекала река, катившая свои воды ко дворцу дракона Восточного моря. Там-то Сунь Укун и бросился в воду. Он отдался на волю течения и быстро очутился в открытом море. Здесь он глубоко нырнул.

Внезапно из густых водорослей раздался громкий голос. Якса, один из подводных духов с лягушачьей головой, окликнул его: «Кто ты, скажи мне твое имя».

Сунь Укун ответил ему внушительно: «Я — царь обезьян. Я пришел нанести визит вежливости великому дракону».

Якса немедленно исчез, отправившись сообщить эту новость своему государю. Сгорая от любопытства, царь-дракон Аогуан тут же приказал заложить свой экипаж и отбыл навстречу царю обезьян. Его сопровождали дети и внуки, окружал многочисленный вооруженный эскорт из солдат-креветок и офицеров-крабов.

Он подошел к царю обезьян и церемонно его приветствовал. Сунь Укун ответил в том же тоне, но с несколько преувеличенной учтивостью, ибо попытки дракона строить из себя важную персону его смешили. Затем они отправились во дворец Аогуана и уселись друг против друга на высоких тронах среди любопытной толпы, состоявшей в основном из рыб и ракушек.

«Что вам угодно, царь обезьян?» — спросил дракон.

Сунь Укун изобразил на лице почтительную гримасу, почесал голову и уверенно заговорил:

«Вы знаете, разумеется, что я бессмертен. Я достиг присущего мудрецам озарения и занимаюсь волшебством. Мне нужно подобающее оружие, и я знаю, что вы им обладаете. У вас не хватит духу отказать в нем особе моего положения, тем более что я предлагаю вам свою дружбу. Кстати, есть и пословица: у дракона найдешь все что душе угодно».

Аогуан погладил бороду. Царь обезьян показался ему дерзким, но, не удовлетворив его просьбу, он, чего доброго, потеряет лицо и станет посмешищем для бессмертных. Он позвал серебристого окуня, приказав ему принести свою лучшую саблю. Взяв ее, царь обезьян повертел ее с видом знатока в руках и сказал: «Это мне не подходит. Я не создан для фехтования».

Морской царь послал тогда сома и гигантского угря, которые принесли трезубец. Царь обезьян взвесил его в руке и скорчил недовольную гримасу: «Уж очень он легкий!»

Аогуан немедленно отправил леща, и тот, запыхавшись, вернулся с алебардой. «Да вы шутите? — бросил Сунь Укун.— Я просил у вас настоящее оружие, а не эту штучку, она все равно что перышко в моих руках...»

Дракон испытывал все большее замешательство: царь обезьян выводил его из себя, и он с удовольствием приказал бы своим крабам и креветкам вышвырнуть его вон. Однако возобладало почтение, положенное бессмертным. Охая и стеная, он сказал: «Государь обезьян, к сожалению, в моих скромных запасах нет ничего получше. Быть может, вам следовало бы посетить одного из моих трех братьев, царствующих в других морях. Я, несомненно, самый бедный из всех, но один из них сможет вас удовлетворить».

Сунь Укун в душе рассмеялся: раз Аогуан пытался от него избавиться, значит, ему было что прятать. Нужно заставить его раскрыть свою тайну. Воцарилось глубокое молчание. Дракон злился, а царь обезьян, отпуская шуточки, тем временем обдумывал, как ему добиться своего. Искать ему пришлось недолго.

Сокровище дракона **Китай**

Царь-дракон задумчиво выдергивал волоски из своей длинной бороды, ожидая, что обезьяна соизволит откланяться. «Пусть возвращается в свои горы и больше здесь не появляется...» — думал он, но тут раздался удар гонга.

Открылась парадная дверь тронного зала, и вошла мать драконов со своими дочерьми. Лицо этой благородной госпожи пылало гневом. Она принялась отчитывать сына:

«До чего же ты глуп, если не заметил, что бессмертный царь обезьян — настоящий мудрец! Он просит у тебя лишь маленький подарок, и ты смеешь ему отказывать? А ведь ты отлично знаешь, что в нашей сокровищнице хранится священный железный вал, которым некогда укатывали Млечный путь. Вот уже несколько дней, как он испускает странный свет. Это знамение от богов. Царь обезьян пришел за ним, и изволь удовлетворить его пожелание».

Аогуан задрожал. Он боялся своей матери, и теперь ему придется показать и, быть может, отдать обезьяне волшебный вал, которым он так дорожил. А Сунь Укун так и прыгал от радости, требуя, чтобы ему поскорее принесли это чудесное оружие. «Оно слишком тежелое,— ответил дракон.— Я отведу вас туда, где оно лежит. Если вы сможете его поднять, в чем я сомневаюсь, возьмите его и, пожалуйста, покиньте мое царство!»

Они отправились в залы, где Аогуан хранил свои сокровища. По дороге Сунь веселил всех вокруг своими шутовскими выходками. И только дракон хмурился. Вскоре царь обезьян различил в глубине дворца какой-то свет. Гигантская металлическая колонна испускала золотые лучи, освещавшие морские сумерки. Он подошел к ней и слегка приподнял. «Слишком длинный и слишком толстый»,— сказал он. И тут же, как по волшебству, вал стал короче и тоньше. На каждом конце его был золотой набалдашник. Сунь

Укун взял его в руки и внимательно рассмотрел. «Вот то, что мне нужно!» — возликовал он и принялся орудовать палицей с ловкостью опытного бойца. Он вращал ею, делал выпады, прицеливался, как это может делать только настоящий мастер. Царь-дракон дрожал от страха и одновременно радовался тому, что не стал ссориться со столь грозным воином.

Показав свои таланты, Сунь сказал дракону: «Благодарю за этот щедрый дар, почтенный Аогуан. С этим куском железа я совершу чудеса. Однако я попросил бы у вас еще одну вещь, хотя мне и неудобно злоупотреблять вашей благосклонностью».

У дракона от страха по спине побежали мурашки. Сунь Укун продолжал: «Вы понимаете, что к такому оружию нужна и красивая одежда. Не найдется ли ее в ваших сундуках?» Аогуан вздохнул: «Я ничего не могу сделать для вас, государь обезьян. В моей сокровищнице нет ничего подходящего». Поскольку Сунь настаивал, он в конце концов добавил: «У моих братьев, драконов трех других морей, есть то, что вы желаете. Отправляйтесь к ним». Царь обезьян предложил: «Так вызовите их сюда!»

Аогуан окликнул крокодила с огромным барабаном и черепаху с гонгом. Оба стали изо всех сил колотить по инструментам, и три дракона, оповещенные таким образом, прибыли во дворец, недоумевая, почему их, собственно, побеспокоили. Аогуан рассказал им о визите обезьяны и о ее новых требованиях.

Аоцинь, дракон Южного моря, с бешеным и вспыльчивым характером, разъярился и завопил: «Я не допущу, чтобы эта противная обезьяна меня грабила! Нападем на нее и избавимся от нее!» Аогуан печально покачал головой и сказал: «Это невозможно! Во-первых, он бессмертен, а во-вторых, владеет волшебной палицей и, уверяю тебя, умеет ею пользоваться».

Мудрый Аолунь, дракон Севера, предложил: «Мы без труда найдем в наших сокровищницах кое-какую одежду. Дадим ее Сунь Укуну, а уж потом пожалуемся богам на его дурные манеры».

Этот план понравился, и три брата предложили царю обезьян кольчугу желтого золота, украшенный перьями шлем червонного золота и пару сапог для ходьбы по тучам. Роскошно одетый, Сунь весело попрощался с драконами и выплыл на поверхность. Сверкая золотом своих доспехов, потрясая палицей, он вскочил на железный мост, где его с нетерпением ждали четверо советников.

Они были ошеломлены, увидев своего государя в столь прекрасном наряде, а еще больше — тем, что на нем не было ни капли воды.

Маленький Нарвал Крайний Север

Несмотря на нетающие ледяные торосы, на дрейфующие в окрестностях айсберги, бухта Аркуартулик могла быть благословенным уголком для живущих на ее берегах иннуитов (так называли себя эскимосы). Здесь было предостаточно тюленей, разнообразной рыбы, случалось, заплывали сюда и киты. Однако, когда смелый охотник выходил в море на своем каяке — лодке, сшитой из тюленьих шкур,— он редко возвращался домой с хорошей добычей, а многих уже никогда не видели в родном стойбище. А все потому, что в этом богатом морским зверем и рыбой заливе прочно обосновались хитрые и коварные злые духи. Ни один мужчина не осмеливался больше выходить в эти проклятые воды, и, разумеется, их семьи умирали с голоду.

Мангак, по прозвищу Маленький Нарвал, сидел задумавшись в своей снежной хижине — иглу, освещенной плошкой, в которой горел тюлений жир. На вопрос родителей, встревоженных его долгим молчанием, он в конце концов ответил: «Надо что-то делать! Завтра же я отправлюсь на своем каяке сражаться с этими злыми духами, чтобы весь наш народ мог жить спокойно и счастливо». Напрасно отец и мать отговаривали его, ибо он был не только храбр, но и упрям. После короткого отдыха он спустил лодку на воду и, ловко работая веслом, вышел в открытое море.

По завыванию ветра он понял, что входит в опасные воды. И в самом деле, вокруг лодки вдруг стали падать камни и глыбы льда, брошенные невидимой рукой. Это был ужасный Капушушник — дух, который убивал людей камнями. Вооруженный волшебным гарпуном с медным наконечником — оружием для уничтожения духов, Мангак в мгновение ока разделался с чудовищем.

Он знал, что теперь его подстерегает жена убитого духа — Акатагели, еще более злобная и хитрая, чем ее муж. Обычно она скользила под волнами и ради развлечения вспарывала лодки острым ножом. Почувствовав, что волны слишком уж сильно раскачивают его каяк, Маленький Нарвал понял, что она близко. По волнению моря он догадался, где находится ужасное существо. Метко брошенный гарпун ушел в воду и смертельно ее ранил.

Он снова взялся за весло и доплыл до мрачного скалистого мыса, где обитал Шуигрилик, верховный вождь злых духов. Волшебный гарпун и на сей раз

попал точно в цель. Шуигрилик лежал, пронзенный, на скале. Когда Мангак подошел к нему, чтобы забрать оружие, тот, умирая, успел сказать: «Ты считаешь себя сильнее всех, но на обратном пути тебя ждет кит, и он тебя убьет». Мангак засмеялся и уселся в лодку.

Море было спокойно, и Маленький Нарвал смело вел каяк. Он огибал опасные айсберги, грозившие его потопить. Внезапно он заметил вдали необычайно высокие валы, катившиеся с ужасающей скоростью. Над ними била мощная струя воды... Ни один иннуит не видел такого огромного кита. Он так яростно бил по воде хвостом, что брызги долетали до неба.

Мангак сразу же понял, что кит плывет прямо на него, и приготовился умереть достойно. Когда кит был уже совсем близко, юноша крепко сжал в руке свой гарпун. Столкновение было ужасным: утлая лодочка взлетела в воздух и была разбита мощным ударом хвоста. Однако Мангак успел, не целясь, метнуть гарпун. На мгновение он потерял сознание, а потом поплыл изо всех сил. Берег был далеко, и Маленький Нарвал, обессиленный борьбой, окоченевший, уже не надеялся добраться до него. Но тут высокая волна подхватила его и выбросила на торос. Он так и остался без сил лежать на льду. К счастью, его схватку с китом видели рыбаки. Они рассказали о случившемся родителям, которые тут же бросились на поиски и в конце концов нашли сына — ослабевшего, полумертвого. Они перенесли его в родную иглу и окружили заботой. Очень скоро к Мангаку вернулись силы и здоровье. Он узнал, что мертвый кит был найден, а значит, его гарпун, брошенный наугад, попал в цель. Что касается злых духов, то о них в бухте Аркуартулик забыли и думать. А Маленького Нарвала прославляли как великого героя, спасителя иннуитского народа.

Женитьба дракона

Япония

На первый взгляд море казалось спокойным и манило к себе. Когда восходящее солнце расцвечивало его своими лучами, так и хотелось покататься на лодке. Однако рыбаки окрестных островов неизменно предостерегали неопытных путешественников об опасности, таящейся в морской глубине, где в мрачной и просторной пещере поселился дракон.

Увы, не из тех симпатичных и благожелательных драконов, которых так много в Японии. Это был кровожадный и свирепый дракон, один вид которого внушал ужас. Над его гибким чешуйчатым телом возвышалась уродливая голова, а в огромной пасти торчали ряды острых зубов.

Чудовище охотилось на людей и предпочитало нападать на маленьких детей. Увидев на поверхности моря извилистую борозду, рыбаки и крестьяне в ужасе спешили укрыться со своими семьями под спасительный домашний кров. Однако дракон плавал стремительно и быстро передвигался по суше. Поэтому он нередко пожирал замешкавшегося на берегу ребенка. Скорбь царила на всех островах, плач и стоны несчастных доносились до небес.

Отчаявшиеся люди возносили молитвы благодетельной и прекрасной богине счастья Бентен.

У нее было самое большое и отзывчивое сердце во всем мире. Узнав о горестях и страданиях этих бедных людей, она чуть не расплакалась. Но богиня взяла себя в руки и пообещала избавить жителей островов от угрожавшей им опасности. Затем она уединилась, чтобы обдумать, как победить дракона.

Бентен была добра, а потому ей не хотелось пускать в ход силу. Кроме того, думала она, никто не бывает злым по собственной воле, и если этот дракон так жесток, то, несомненно, потому, что ему самому очень плохо. Рассуждая таким образом, она и придумала, как пробудить в чудовище добрые чувства.

Ничего не подозревавший дракон спал тяжелым сном в своей подводной пещере. Во сне его иногда мучили кошмары, да и вообще ему было не по себе: во-первых, люди научились лучше оберегать своих детей, во-вторых, он знал, что его ненавидят все, и от этого в глубине души страдал.

Если бы дракон оказался вдруг на поверхности моря, странное зрелище предстало бы перед ним: на ясном небе в погожий день появились тучи. Белые, серые, а потом и черные, они собирались как раз над тем местом, где находилась пещера. На самом верхнем облаке сидела с улыбкой на губах Бентен.

Богиня склонилась над океаном и направила всю свою волшебную силу на логово чудовища. Сначала морское дно слегка содрогнулось, потом стало колебаться все сильнее, подземные толчки потрясли пещеру, разбудив дракона. В изумлении он пытался понять, что происходит, но так и не успел: пещера отделилась от морского дна и стала быстро подниматься вверх.

Обезумевший дракон спешно покинул свое убежище, вынырнул и стал издалека наблюдать за происходящим. Под ужасающий грохот, среди хаоса бушующих волн показалась заросшая водорослями пещера. Дракон не отрываясь смотрел на свое жилище, ставшее островом. Он думал, что на этом все и закончилось, но Бентен припасла для него и другие сюрпризы. Каменистая почва нового острова слабо зашевелилась, вверх поднялась туча пыли. И вдруг то там, то здесь образовались зеленые кочки. Они начали расти, да так быстро, что остров в мгновение ока покрылся лесами. Так по воле Бентен возник остров Эносима.

Ошеломленный дракон, которого выставили из собственного дома, в полном недоумении озирался по сторонам. Он вздрогнул, увидев, как с высоты небес спускается, приветливо ему улыбаясь, богиня Бентен в великолепном уборе. Еще никто и никогда не улыбался дракону, а потому он был ужасно взволнован. Богиня заговорила с ним приятным и ласковым голосом. Очарованный мелодичностью этого небесного голоса, дракон не сразу понял, о чем говорила богиня. А когда наконец понял, то чуть не упал

в обморок: Бентен предлагала ему вступить с ней в брак, при условии что он откажется от своих скверных и жестоких привычек. Дракон, плача от радости, согласился. Свадьба состоялась тут же, и вскоре дракон стал счастливым отцом многочисленного семейства.

Он навсегда оставил даже мысль о нападении на людей. Под влиянием жены он видел в них теперь приятных соседей и был с ними любезен и услужлив. Говорят даже, что он стал вегетарианцем! Что касается Бентен, которую боготворили на островах архипелага, она вскоре обнаружила, что за некрасивой внешностью ее супруга таится золотое сердце. Так богиня, щедро раздававшая счастье другим, наконец познала его сама.

Плавучие острова Греция

Стоя на носу корабля «Арго», Ясон напряженно всматривался вдаль. Под яростные завывания ветра небо на глазах затягивалось черными тучами: надвигался сильный шторм. Пятьдесят аргонавтов, мужественных героев Греции, до сих пор не отступали перед самыми грозными опасностями, но и они страшились того, что их ожидало впереди. Царь-прорицатель Финей, у которого они гостили несколько недель назад, предупреждал их об этом злополучном входе в пролив Босфор. Ветер внезапно усилился и превратился в настоящий смерч. «Убрать парус!» — закричал Ясон. Тут же был спущен единственный парус, который едва не разорвало в клочья. Люди сели на весла и принялись грести изо всех сил. Небо стало совсем черным, все погрузилось во мрак, лишь изредка озаряемый вспышками молний.

И вдруг раздался крик! Стоявший на носу Линкей, столь зоркий, что взгляд его пронизывал и толщу морских вод, и каменные горы, завопил: «Опасность прямо по курсу!» Перед аргонавтами в свете молний открылись два огромных синих утеса, которые то сближались вплотную, то расходились. Это были знаменитые плавучие острова, грозные Кианеи, сторожившие Босфорский пролив. Сталкиваясь, они крушили своей огромной массой корабли, осмелившиеся зайти в эти воды. Наибольшее расстояние между Кианеями не превышало десятикратной длины корабля, а из-за скорости их движения и бурного течения, швырявшего корабль словно щепку, пройти между ними было почти невозможно. И тут Ясон вспомнил советы Финея.

Он приказал принести голубя и подождал, пока корабль подойдет к островам на нужное расстояние. Как только две морские горы с великим грохотом ударились друг о друга, Ясон выпустил голубя. Тот достиг прохода между скалами в момент, когда от него осталась лишь узкая щель. Голубь влетел в нее, и все ожидали, что гигантские скалы его раздавят. Но когда они снова разошлись, аргонавты радостно закричали: голубь успел пролететь, потеряв только два пера из хвоста!

Кормчий Тифий немедленно посадил гребцов на весла и направил корабль к расходившимся скалам. Сама богиня Афина вела «Арго» к этому опасному проливу. Один из аргонавтов, музыкант Орфей, помогал гребцам своим пением, сопровождая его божественной игрой на лире. Вскоре корабль оказался в середине прохода. Однако Кианеи теперь сближались с пугающей быстротой, как живые, и им хотелось раздавить корабль вместе с моряками. Гребцы, полностью поглощенные своей тяжелой работой, смотрели только вперед и не подозревали, что справа и слева две каменные стены уже готовы сомкнуться над ними, подобно ужасным тискам.

Обливаясь потом, под раскаты грома, они из последних сил налегли на весла. Яркий дневной свет впереди приближался с каждой минутой. Наконец нос «Арго» вышел из теснины. Но радоваться было еще рано — Кианеи находились всего в нескольких локтях от бортов корабля! Испустив единодушно отчаянный вопль, аргонавты сделали еще один мощный гребок... Раздался чудовищный грохот от столкновения скал, к которому примешался треск раздавленного дерева. Подобно голубю, потерявшему свои перья, «Арго» лишился украшения на корме... Но он прошел!

На редкость сильное течение увлекло корабль вдаль, к Черному морю — цели путешествия Ясона. Попав в более спокойные воды, аргонавты смогли отдохнуть перед новым великим подвигом: им предстояло добыть золотое руно. Что касается плавучих островов, то Афина, считая их слишком уж опасными, остановила их по обе стороны Босфора и разделила навсегда.

Нерревик, морская фея Крайний Север

Поморник размышлял: с тех пор, как он увидел эту девушку, он только и мечтал на ней жениться. Но тут было одно препятствие, и он это осознавал — его отталкивающий взгляд; никто в мире не согласился бы прожить всю жизнь с существом с такими ужасными глазами. Поэтому он решил прибегнуть к простой, но, по его мнению, оправданной хитрости: обернувшись человеком, он облачился в одежду из великолепно выделанной тюленьей кожи и водрузил себе на нос массивные очки, какие иннуиты (эскимосы) носят во время своих долгих плаваний на каяках.

В таком виде он представился Нерревик и ее семье и без лишних слов попросил ее стать его женой. Увидев, что незнакомец, выглядевший богатым и красивым, явно очаровал девушку, отец дал согласие. Вскоре она с мужем перебралась жить на отдаленный остров. Когда поморник возвращался с охоты, его ждала в иглу любящая жена, которая готовила еду или скоблила шкуры круглым ножом. Однако, принимая человеческий облик, он никогда не снимал очки, что, конечно, разжигало любопытство Нерревик.

Как-то раз, когда он раздевался, думая, что рядом никого нет, жена неслышно подошла к нему. Он обернулся, и она увидела его глаза. Похолодев от ужаса, такой это был страшный, нечеловеческий взгляд, она громко закричала и заплакала. Вместо ответа поморник скрипуче и язвительно расхохотался, затем оделся, повернулся к жене спиной и отправился на охоту. Долгие дни Нерревик ждала его возвращения, трепеща при мысли, что ей придется вновь увидеть столь отвратительное создание. В его отсутствие приехали навестить дочь родители и братья. Увидев ее в слезах, они спроси-

ли в чем дело. Она сказала им правду. Сильно рассердившись на зятя, отец сказал дочери: «Возвращайся с нами! Лодка у нас маленькая, но мать потеснится, чтобы и тебе хватило места. А братья налягут на весла и отвезут нас домой». Нерревик поспешно собрала свои скудные пожитки, и утлый челнок отчалил от берега.

Едва он вышел в открытое море, как вернулся поморник и увидел, что его дом пуст. Обезумев от ярости, он бросился на берег. Глаза у него были очень некрасивые, зато чрезвычайно зоркие. Он без труда заметил лодку, удалявшуюся к горизонту. Не тратя времени, он обернулся птицей и устремился за беглянкой. Догнав лодку, он стал бросаться на нее сверху, бил ее своими широкими крыльями, грозя опрокинуть.

После особенно яростной атаки лодка внезапно накренилась, и Нерревик упала в море. Она успела схватиться за борт и крепко в него вцепилась, но из-за этого лодка наклонилась еще сильнее, а поморник продолжал свое... Обессиленная Нерревик погрузилась в воду, но не утонула — ее подхватили подводные духи и сделали морской феей. Ее руки превратились в плавники.

С тех пор она царствует, как добрая повелительница, над тюленями, рыбами и всеми морскими тварями. Если иннуитов постигает голод, если в море не видно больше ни одного тюленя, если в иглу плачут голодные дети, они обращаются к доброй Нерревик. Для этого ангакок — шаман племени — погружается в глубины океана. Он храбро плывет, минуя огромные скалы, сталкивающиеся друг с другом, чтобы не пропустить его. Он добирается до Нерревик, сидящей в своей подводной иглу возле жидкого огня, и умоляет фею, которую зовут теперь также Таканакапсалук или Седна — мать тюленей. У нее больше нет рук, и она почти ничего не может делать. Поэтому ангакок убирает ее иглу, расчесывает ее длинные, перепутанные с водорослями волосы, укладывает их в пучок. Она благодарит его с лучезарной улыбкой. Не успеет он отбыть, как она уже посылает тюленей туда, где в них нуждаются люди. Иннуиты испытывают к ней особое благоговение, ибо без нее жизнь в этом краю, где даже море часто покрыто льдами, была бы очень тяжелой.

Райские острова

Человек с острова Мэн (Ирландия)

Кормак сидит у руля, а корабль, под напором яростных волн, переваливается с борта на борт и порой чуть ли не ложится на воду. Тяжелые валы перекатываются через палубу. Крушение кажется неизбежным, и люди вручают свою судьбу богам. Но вдруг дозорный кричит: «По левому борту остров Мэн!» Трепет надежды пробегает по сердцам моряков. В ужасном Ирландском море этот остров — наилучшее убежище, где можно укрыться от опустошительного шторма.

Это владение морского бога Мананнана, сына Лера, которого называют также человеком с Мэна. Наделенный даром перевоплощения и способный находиться в нескольких местах одновременно, этот бог покровительствует населению острова, и оно живет в вечном веселье. А для терпящих бедствие мореплавателей он устроил на берегах Мэна

удобные заливы и бухты. Рассказывают, что время от времени его удается увидеть: стоя в колеснице, он мчится во весь опор по простору вод, который для него все равно что усыпанный яркими цветами зеленый луг.
Кормак улыбается. Несмотря на ревущие волны, он держит курс на остров. Скоро он и его спутники будут спасены. Они смеются теперь над опасностью, которая их миновала, и ждут окончания шторма, чтобы продолжить плавание.

Дальняя Туле (Греция)

Ослепительный Аполлон, бог Солнца, подходит и внимательно осматривает свою колесницу. Пришло для него время покинуть Грецию, где дни станут и холоднее, и короче. Сейчас, в конце жаркого еще лета, он собирается отбыть в Дальнюю Туле — землю, расположенную по ту сторону северного ветра, в стране гиперборейцев. Аполлон с раннего детства знаком с этим далеким краем, куда его принесли лебеди. Родился он на Делосе, острове у побережья Греции, где рождают детенышей тюлени и морские чудища. Море для него — самый близкий друг.
Он проводит в Туле шесть месяцев ежегодно. На этом острове совершенной и девственной белизны пребывают великие жрецы Солнца. Море там вечно спокойно, а страдания неведомы. Люди обладают завидным здоровьем, они прекрасны внешне, добры и веселы. Их мужество непревзойденно, их веселость не знает себе равных. Аполлон живет там, радуясь и пируя, в то время как Греция дрожит от холода; а затем наступает время покидать Туле. Аполлон возвращается через ледовые моря Севера в Грецию, в свое святилище в Дельфах. Оживают деревья, робко распускаются цветы. Наступает весна, и шесть месяцев Аполлон пробудет в Греции, а потом опять возвратится в свою далекую Туле.

Острова блаженных (Греция)

У границ Земли, далеко на западе, среди пенных волн высятся недоступные Острова блаженных. Говорят, там правит один из судей подземного царства — Радамант, принимая души тех добрых и прославленных людей, которые снискали милость богов. После смерти они наслаждаются вечным покоем в этих благоуханных местах, где нет ни зимы, ни снега, где неведом тяжелый труд. Рассказывают также, что именно на этих островах находится знаменитый сад Гесперид, откуда Геракл принес некогда три золотых яблока, хотя сам не сумел туда проникнуть. Множество прекрасных легенд и сказок окружает эти острова; однако к ним не причаливал ни один мореплаватель, а потому их тайна остается нераскрытой.

Страна Чистоты (индейцы гуарани, Бразилия)

Племя достигло этого берега после многодневного перехода. Усталые женщины, плачущие дети и изнуренные мужчины были на пределе сил. Они покинули засушливое и пустынное плато Мату-Гросу, поверив легенде предков о том, что по ту сторону океана находится Страна Чистоты. Нужно только добраться до побережья, а там появится бог Нандерикей и поведет их через воды к желанному острову.
Им рассказывали, что эти края больше походят на небо, чем на землю. В середине острова простирается большое озеро. Какая приятная перемена по сравнению с засушливой землей их родины! Плоды там растут сами, не нужно гнуть спину и обрабатывать скудные земли. Их просто собирают — и они тут же вырастают вновь. Дни текут спокойно, время проходит незаметно. Индейцы, вновь обретающие там молодость, постоянно веселятся и танцуют. Однако это не царство мертвых. Они сделают здесь лишь короткую остановку на пути к другому острову в безбрежном океане, где поселятся навсегда.
Проходят недели, и сидящие на берегу гуарани приуныли. Вот и сегодня Нандерикей не появился. Кое-кто вспоминает слова мудрого старца из родной деревни: «Когда-то дорогу к острову было легко найти, но в нынешние времена бог не показывается более людям, и дорога эта потеряна навсегда».

Летучая рыба Новая Зеландия

Юный воин Ороу с озабоченным видом решительно направляется к хижине колдуна. Ему надоели постоянные столкновения с соперником Атии, который превосходил его то в плавании, то в беге и грозил вытеснить из сердца дочери вождя. Нужно было немедленно совершить столь великий подвиг, чтобы никто не мог превзойти его, или хотя бы оспорить его права. Все это Ороу и объяснил колдуну: он хотел пуститься на поиски волшебного камня, лежавшего на морском дне и отделявшего царство живых от царства мертвых.

Выслушав Ороу, старик колдун был ошеломлен. Он попытался было отговорить смелого юношу, но тщетно. Ороу был непреклонен и упрям, и ничто не могло заставить его отступить. Поэтому колдун смирился, указав ему путь, и подарил храбрецу Ороу талисман-оберег, который должен был его защитить.

На рассвете Ороу спустил на воду лодку, посулив своей красавице золотые горы и высмеяв соперника. Налегая на весла, он долго плыл по спокойному океану, где солнечные лучи окрашивали пенные волны во все цвета радуги. Потом поднялся ветер и стал постепенно крепчать. Легкая лодочка, прыгавшая по волнам, выдержала бурю. Когда шторм утих, Ороу смог спокойно оглядеться. Вдали виднелся гористый остров, к которому он и решил причалить. Вытащив лодку на берег, он обошел остров в поисках пищи и набрел на пещеру. Каково же было его изумление, когда оттуда вышел седовласый, крепкого телосложения старец и, дружески обратившись к нему, пригласил в гости. За трапезой старик сказал, что зовут его Тауна. Он поинтересовался, что привело юношу на этот уединенный остров. Ороу рассказал о цели своего путешествия. Тауна покачал головой и промолвил:

«План твой опасен. Но я хочу помочь тебе, потому что ты, видно, хороший парень. Я знаю, как отыскать Страну Кораллов, где находится волшебный камень. Но сначала ты должен как следует подготовиться, потому что иначе не сможешь долго оставаться на морском дне».

Целыми днями Ороу, по совету Тауны, погружался в кипящие волны. Он искал маленькие раковины. Внутри некоторых из них были белые круглые камешки. Тауна приказал ему набрать их на целое ожерелье. Шли дни, миновало и множество ночей, когда на небе сияла полная луна. Ороу непрерывно нырял, плавал под водой, обшаривал скалы в поисках этих ракушек. Когда ему везло и он их находил, он вскрывал их ножом, и иногда ему снова улыбалась удача — там блестел белый камешек. Долго длилось это испытание, но в конце концов ожерелье было готово. В тот день Тауна вручил ему красное перо, объяснил, как им пользоваться, и указал, куда ему плыть.

Ороу попрощался с добрым стариком, столкнул лодку на воду и поплыл в открытое море. Увидев, что он уже достаточно отдалился от острова, он бросил красное перо по ветру. Оно перевернулось, а потом полетело почти прямо. Налегая на весла, Ороу последовал за ним. Внезапно перо остановилось и опустилось на воду. С победным криком Ороу бросился в море и, прокладывая себе путь среди разноцветных рыб, водорослей, осьминогов, нырнул как можно глубже. Там его глазам открылось фантастическое зрелище: перед ним высились великолепные скалы, окрашенные во все оттенки красного цвета. Он попал в мир кораллов.

Но не успел он вдоволь налюбоваться этой красотой, как раздался голос стража этих мест, огромной летучей рыбы. Она строго сказала Ороу:

«Я знаю, что ты пришел за волшебным камнем. Это твое право, но сначала ты должен выдержать испытание: трижды пасть ниц в знак поклонения».

Ороу, несколько оробевший, утвердительно кивнул головой в знак согласия. Летучая рыба тут же превратилась в грозного и ужасающего краба — морского паука. Юноша распростерся перед ним. То же самое он сделал, когда рыба превратилась в гигантский морской анемон. Ороу распростерся — в его сердце не было страха. Грозный страж вновь перевоплотился: на сей раз перед Ороу предстало уже не чудище, а улыбающееся лицо ненавистного соперника Атии. Ороу колебался лишь мгновение — но и оно было слишком долгим. Рыба коротко промолвила: «Ты проиграл!»

Ороу почувствовал, как что-то происходит с его телом, и оно покрывается чешуей... Он превратился в летучую рыбу! За чрезмерную гордость он был обречен плавать в морских глубинах или летать над ними несколько веков в ожидании дня, когда, быть может, он вновь обретет человеческий облик...

ТАЙНЫ ОСТРОВА ЛОХ

Колдунья Бретань

Сидя на галечном берегу, Уарн пристально вглядывался в океанский прибой. Решение принято: раз уж он так беден, что не может жениться на Белле, нужно собрать все свое мужество, отправиться за моря и добыть богатство, которое смягчит родителей невесты. В том мире, говорили мудрые старики, есть острова, где живут феи. Они ревниво оберегают свои сокровища, и много смелости потребуется смертному, чтобы к ним приблизиться.

Но уж лучше пойти на риск, подумал Уарн, чем просидеть всю жизнь дома, выращивая эту жалкую рожь! Он встал и под лучами восходящего солнца столкнул свою лодку в море и легко поплыл вперед благодаря попутному ветру. Его страхи мало-помалу рассеялись, ибо он не встретил ни одного из тех чудовищ, которые, по словам стариков, будто бы населяли море. Вскоре он увидел вдали зеленый остров. Ловко управляя лодкой, он причалил к берегу и сразу понял, что попал на знаменитый остров Лох.

Он шел, любуясь красотой природы, пока в центре острова не набрел на озеро, где увидел лодку, качавшуюся на волне. Уарн сел в нее, но ее тут же затрясло — сначала слегка, потом все сильнее. На глазах у юного бретонца старое суденышко превратилось в гигантского белого лебедя. Уарн только и успел, что ухватиться за шею птицы, которая поднялась в воздух. Не успел молодой человек понять, что с ним произошло, как птица достигла середины пруда и вместе со своим всадником нырнула в глубину.

Вода попала Уарну в нос и в уши, но при виде открывшегося его глазам зрелища он позабыл обо всем: перед ним среди водорослей возвышался стеклянный дворец! Лебедь оставил Уарна у входа, где его радушно встретила женщина невиданной красоты. Она пригласила его войти и подала напиток, пылко прошептав: «Прекрасный юноша, твой приход для меня — большая радость. Если ты захочешь остаться со мной навсегда и женишься на мне, все мои богатства будут твоими». Но Уарн и не думал о богатствах. Ослепленный прекрасной незнакомкой, очарованный ее сладкими речами, он даже забыл Беллу!

Фея усадила его, а сама отправилась на кухню. Она вернулась, поставила перед ним аппетитное блюдо из жареной рыбы и, предложив ему угощаться, ушла. Юноша вытащил нож и попытался разрезать одну из рыб. Но едва лезвие коснулось ее, как эта рыба, хотя и хорошо зажаренная, подскочила на блюде и заговорила: «Берегись, Уарн из Бретани! Эта прекрасная фея зовется Гуарх с острова Лох. Когда-то и я попал сюда молодым и смелым, как ты, а она из меня сделала жареную рыбу. Все, кто лежит сейчас перед тобой на блюде,— мои товарищи по несчастью. Они согласились жениться на этой красавице колдунье, и вот что с ними стало».

Оторопевший Уарн слушал эти слова и не заметил, как Гуарх вернулась в комнату. Взрыв зловещего хохота оборвал его размышления. Одним прыжком он вскочил и схватился за нож. Но фея опередила его и набросила большую рыбацкую сеть, прочно его опутав. Лежа на земле, не в силах пошевелиться, он решил, что настал его смертный час.

Гуарх склонилась над ним. Ее глаза, еще недавно полные любви, яростно метали молнии. «Ах, так ты

не желаешь на мне жениться? — прошипела она.— Тем хуже, приятель, ты не будешь даже рыбой!» И одним движением она заколдовала его: Уарн почувствовал, как тело его уменьшается и съеживается, кожа увлажняется, руки опускаются и превращаются в перепончатые лапы... Он стал маленькой зеленой лягушкой. Тогда он вспомнил о Белле. Он хотел было заплакать, но ведь лягушки не плачут.

Конец злых чар Бретань

Белла все вертелась и вертелась в постели. Она не знала, где Уарн, и ее одолевали мрачные предчувствия. Она догадывалась, что он не остановится ни перед чем — лишь бы добиться ее руки. Белла, как и все женщины ее семьи, с незапамятных времен, владела даром волшебства. Она спрыгнула с кровати, тихо вышла из дому и в бледном свете луны отправилась за деревню, к стоячему камню. Никто не слышал ее заклинаний, не видел ее танцев и не подсмотрел, как она готовила зелье. Но прекрасная волшебница вернулась в родной дом, уже зная, где находится Уарн и какая печальная судьба его постигла.

Рано утром она оседлала своего волшебного скакуна, вскочила на него, стиснула ему бока коленями и пустила галопом. Конь, быстрый как молния, устремился к морю. Скоро он достиг вершины мыса, отвесно возвышавшегося над океаном. Белла его пришпорила. Конь продолжал свой бег и в воздухе превратился в птицу: то паря, то взмахивая крыльями, летел он над водой.

Глядя вперед, Белла искала глазами берега проклятого острова. Внезапно она задрожала от радости. У ее ног простирался Лох.

Птица осторожно села на берег и опять превратилась в коня. Белла спешилась и осмотрелась кругом: сплошное нагромождение огромных, совершенно голых черных скал... Настоящая пустыня. Дул резкий холодный ветер... К его свисту примешивались странные звуки, очень похожие на рыдания и стоны.

Белла прислушалась и, поняв, откуда доносятся эти звуки, направилась к большой расселине между скалами. Там она обнаружила гнездо, а в гнезде — одного из тех духов, которых называют корриганами. Он был очень опечален, и Белла спросила у него в чем дело.

«Благородная дама, я корриган, супруг злой Гуарх, управляющий здешними местами,— сказал дух.— Она приказала мне высиживать семь каменных яиц, лежащих в этом гнезде. Я избавлюсь от этого проклятия лишь в том случае, если кому-нибудь удастся освободить несчастных, которых она завлекает сюда, превращая в жалких животных». Белла обещала сделать для него все, что в ее силах.

Из сумки, подвешенной к седлу, она достала мужской костюм и надела его. В таком виде она добралась до озера и благодаря лебедю быстро оказалась

у стеклянного дворца. Гуарх, как всегда приветливая, рассыпалась в любезностях и, приняв Беллу за мужчину, предложила ей вступить с ней в брак. Белла ничего не сказала и даже не дрогнула, когда колдунья поднесла ей блюдо жареной рыбы. Скосив глаза, она заметила маленькую зеленую лягушку в клетке. Это Уарн, подумала она.

Когда Гуарх вышла, девушка, не прикоснувшись к пище, встала и спряталась в углу. Вскоре вернулась Гуарх, размахивая большой сетью. Она с удивлением остановилась на пороге, видя, что за столом никого нет. Думая, что в комнате пусто, она шагнула вперед. Белла прыгнула и резко вырвала сеть из рук колдуньи, не обращая внимания на ее крики. Быстрым, красивым и ловким движением она опутала Гуарх. Затем одним жестом превратила мерзкое создание в отвратительный ядовитый гриб. Из-за пояса Белла вытащила нож, открыла клетку, выпустила оттуда лягушку и коснулась ее концом своего оружия. Уарн обрел прежний облик и бросился в объятия невесты. После этой радостной встречи молодая волшебница прикоснулась по очереди ко всем жареным рыбам, превратив их в людей. Каждый из них мог теперь вернуться домой. Белла и Уарн, усевшись на волшебного коня, отправились в обратный путь — готовиться к свадьбе. В лучах заката, завершавшего этот счастливый день, пело и плясало от радости маленькое существо: это был наконец-то освободившийся корриган! Семь яиц раскрылись, и из каждого вышел один из трех ветров, что дуют над океаном.

Дочь моря Ирландия

Праздник, устроенный королем Кондом в парадном зале замка, был в полном разгаре. Он удался на славу. Гости веселились от души, танцевали, беседовали, ели, восхищались многочисленными развлечениями, которые были для них приготовлены.

Сам же король, участвуя в этом веселье, в душе страдал. Порой он лишь делал вид; что слушает собеседника, а сам то и дело тревожно поглядывал на сына. У принца Кондлы был отсутствующий вид, его не занимали развлечения, еще столь недавно его восхищавшие, он не отвечал тем, кто пытался с ним заговорить. С застывшим и неподвижным взглядом, он словно жил в другом мире. Порой он даже шевелил губами, как будто говорил сам с собой.

Вот уже несколько недель, как старый Конд заметил в сыне эту странную перемену: ни охота, ни молодецкие забавы, ни общество красивых девушек его отныне не занимали. Конд обратился за помощью к своему советнику — старому друиду. Но мудрец лишь задумчиво покачал головой.

Он ведь не знал, что причиной происшедшей с Кондлой перемены была таинственная встреча. Однажды, когда принц вместе с отцом объезжал страну верхом на коне, ему явилась девушка необычайной красоты. На ней были странные одежды из невиданной на земле ткани. Она назвала свое имя и сказала, что прибыла с далекого острова на западе, именуемого островом Жизни. Там, говорила она, неизвестны ни смерть, ни страдания, ни множество зол, омрачающих земное существование. Дни протекают в непрерывных, всегда новых наслаждениях. Девушка пленилась красотой и ловкостью Кондлы и захотела стать его женой. Принц в ответ похвалил необычайную красоту девушки. Пораженный король Конд сказал своему сыну: «Но с кем ты разговариваешь?» Принц промолчал: он понял, что один видел и слышал загадочную девушку.

После первой встречи она много раз посещала его, даже во дворце, приглашая его уехать на далекий остров и проводить вместе дни в вечном счастье. Была она во дворце и в праздничный вечер, невидимая для всех, кроме Кондлы.

На другой день после праздника Конд застал в углу дворца своего сына, который разговаривал сам с собой. Он понял, что тут какое-то колдовство, и велел немедленно позвать друида Корана. «Помоги нам, достопочтенный жрец,— сказал он.— Кондла оказался во власти злых чар, и только твоя волшебная сила может его от них избавить». Коран согласился и немедленно отправился к молодому человеку.

Подойдя к нему, друид почувствовал странное и невидимое присутствие девушки с моря. Подняв руки, он стал читать заклинания и магические формулы. Застигнутая врасплох, девушка прекратила беседу с принцем и побледнела как смерть. Она пыталась противиться, но и друид обладал великой силой. Поэтому она исчезла. Но прежде она бросила Кондле яблоко. Король и друид видели, как прилетевший из пустоты плод упал к ногам юноши. Он подобрал яблоко и тут же от него откусил. Но початый плод опять стал целым. Месяц Кондла питался только этим яблоком, отвергая всякую другую пищу. Все его мысли были обращены к странной девушке.

Как-то утром принц не смог встать с постели: лихорадка сковала его тело. Искусный врачеватель друид признал, что он ничего не понимает в этой странной болезни. По его словам, причиной ее была морская фея. Кондла погибал, и отец видел, что недалек его смертный час. И тогда-то дозорный, стоявший на самой высокой башне, возвестил о чуде: с запада, прямо к королевству Конда, шел невиданный корабль. Огромное судно было сделано из стекла, и лучи солнца играли на нем всеми цветами радуги. Корабль причалил, и с него сошла фея. Ее приняли в замке, и она потребовала, чтобы ее немедленно привели к Кондле.

Несчастный принц уже умирал. Девушка, которую сопровождали Конд и ворчавший что-то друид, склонилась над изголовьем юноши. «Прекрасный Кондла,— прошептала она чарующим голосом,— поедем со мной на остров Жизни». Молодой человек сел на ложе. Краски жизни вновь появились на его щеках. Он вскочил на ноги и, обернувшись к отцу, сказал ему: «Государь и отец мой, я питаю к вам бесконечную нежность и глубокое почтение. Однако я не могу жить без любви этой прекрасной девушки. Поэтому я должен уехать или умереть».

Со слезами на глазах Конд обнял своего сына и отпустил его с незнакомкой. Принц поднялся на корабль рука об руку с феей. Ветер надул парус, и вскоре стеклянный корабль исчез за горизонтом, там, где далеко на западе лежал остров Жизни.

Затопленные земли

Неудобный гость (Нигерия)

В давние времена Солнце и Луна жили на земле, как муж с женой. Они мирно проводили свои дни в просторном, удобном доме и с большим удовольствием совершали частые прогулки на берег, навещая своего друга — Море. А когда после занимательной беседы им пора было возвращаться домой, они обязательно приглашали Море к себе в гости. «Это невозможно! — говорило оно.— Я слишком огромно и не смогу поместиться в вашем жилище». Огорченные этими постоянными отказами, Луна и Солнце построили обширный дом, мало чем уступавший дворцу. Не в силах устоять перед таким гостеприимством и боясь показаться невежливым, Море вынуждено было принять приглашение. В назначенный день оно явилось и постучало в дверь: «Это я, Море. Можно войти?» — прожурчали волны. «Конечно!» — ответило Солнце, открывая дверь. В одно мгновение морская вода залила весь дом. Вместе с ней приплыли рыбы, осьминоги и другие морские твари. Вода прибывала непрерывно и была уже по колено. Солнце и Луна поднялись на второй этаж, но гость последовал за ними. Оставаться в доме было уже невозможно. Тогда они побежали наверх и кое-как уселись на коньке крыши. Бурные, все прибывавшие волны настигли их и там. Им пришлось улететь в небо, а их жилище затопил океан. С тех пор Солнце и Луна вращаются вокруг Земли в поисках нового пристанища. Море, огорченное этим недоразумением, больше ни разу не принимало у себя этих милых его сердцу друзей.

Рыбак (Таити)

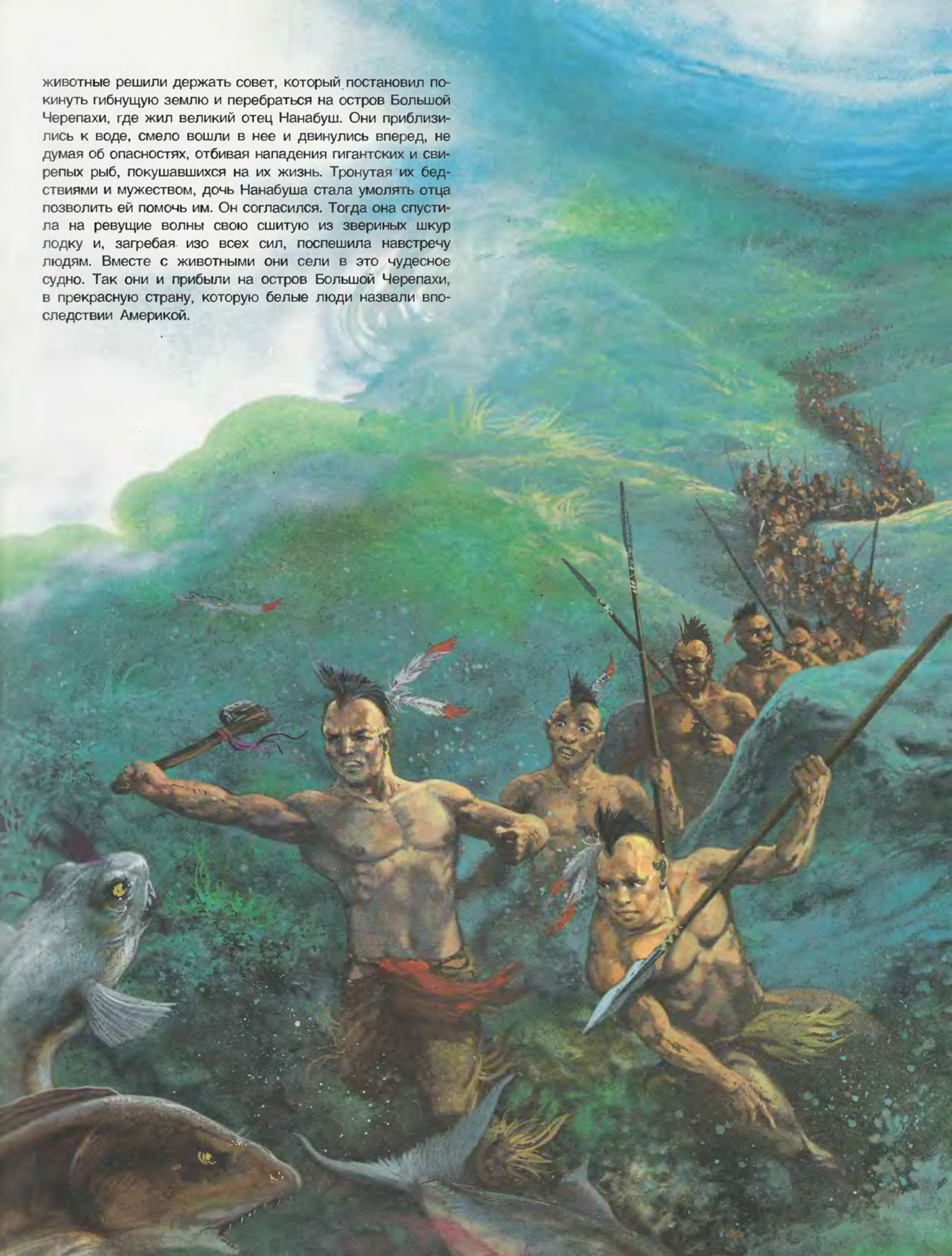
Руахата, могущественный бог морей, отдыхал после обеда на океанском дне. Поэтому море, где он слишком уж часто поднимал бурные волны, было в тот день совершенно спокойно. Соблазнившись затишьем, один рыбак спустил на воду лодку и отправился удить рыбу в прозрачные воды безлюдной лагуны. К несчастью, бог тоже выбрал для отдыха именно это уединенное место. Забросив наудачу удочку, наш рыбак зацепился крючком за длинные, перепутанные с водорослями волосы Руахаты. Уверенный, что поймал крупную рыбу, он принялся тянуть изо всех сил, чтобы вытащить ее из воды.

Внезапно разбуженный Руахата, который никогда не отличался добродушием, ужасно разгневался. Какой-то нахал посмел тащить его за волосы! Он покажет ему, что такое ярость бога. Гигантский Руахата с ревом вынырнул возле маленькой лодочки. Он приказал бедному, перепуганному насмерть рыбаку забрать семью и отправиться на гористый остров Тоа Манама. Несчастный повиновался, и, когда все они добрались до самой высокой вершины острова, разразился ураган. Волны с ревом поднимались все выше и выше. Море залило землю, смывая с нее все живое. Только вершина острова возвышалась еще над поверхностью воды. Затем буря стихла, и вода медленно стала убывать. Рыбак посмотрел на свою семью, единственную уцелевшую после катастрофы, которую сам же нечаянно вызвал. Он понял, какую задачу возложили на него боги: вновь заселить мир.

Остров Большой Черепахи (индейцы-делавары)

Нанабуш, великий маниту, хорошо сотворил мир, и краснокожие люди жили бы там в радости, если бы огромный и зловредный змей не вел с ними непрерывную и беспощадную войну. Этот змей вдобавок был могущественным волшебником. В глубинах морей он создал мерзкое чудовище и пустил его по бурным волнам. Из-за этого отвратительного существа океан стал заливать землю, грозя погубить все живое. Попав в такую беду, индейцы и их братья-

животные решили держать совет, который постановил покинуть гибнущую землю и перебраться на остров Большой Черепахи, где жил великий отец Нанабуш. Они приблизились к воде, смело вошли в нее и двинулись вперед, не думая об опасностях, отбивая нападения гигантских и свирепых рыб, покушавшихся на их жизнь. Тронутая их бедствиями и мужеством, дочь Нанабуша стала умолять отца позволить ей помочь им. Он согласился. Тогда она спустила на ревущие волны свою сшитую из звериных шкур лодку и, загребая изо всех сил, поспешила навстречу людям. Вместе с животными они сели в это чудесное судно. Так они и прибыли на остров Большой Черепахи, в прекрасную страну, которую белые люди назвали впоследствии Америкой.

ПРИНЦЕССА И МУЗЫКАНТ

Стеклянный дворец Китай

Сидя в одиночестве на берегу в теплый летний вечер, Сань Лан извлекал из своей флейты удивительно красивые звуки, гармонично сливавшиеся с мерным плеском волн. Земные и морские твари и даже скалы были до слез тронуты его музыкой, исходившей, казалось, из другого мира.

Поглощенный игрой, молодой человек не заметил двух силуэтов, украдкой приближавшихся к нему. Своей небесной музыкой он, сам того не зная, пленил сердце одной из городских девушек. Ее разгневанный отец решил избавиться от Сань Лана и нанял для этого двух разбойников.

Когда негодяи набросились на музыканта, он успел спрятать флейту в рукав. Он еще не понял, что с ним происходит, а уже был связан и брошен на дно лодки, которая тут же вышла в море. Отплыв подальше от берега, разбойники собрались утопить свою жертву. В бледном свете луны они не заметили мощных щупальцев, ухватившихся за борт лодки. Эти щупальца обвились вокруг их щиколоток, вынудив их выпустить Сань Лана, и стащили злодеев в море.

Музыкант наблюдал за этой сценой, ничего не понимая. Внезапно на лодку взобралась гигантская каракатица, которая развязала его путы, поклонилась и промолвила: «Господин флейтист, я госпожа Каракатица, посланная царем драконов. Он слышал вашу возвышенную игру и приглашает вас в свое царство». Ошеломленный Сань Лан не успел ничего ответить, а Каракатица уже увлекла его за собой.

Освещенный странным светом, подводный мир был великолепен: ярко-красные камни, рыбы всех цветов радуги, невиданные животные — все поражало и восхищало молодого человека. Его изумление достигло предела, когда он попал во дворец великого дракона. Это огромное стеклянное здание покоилось на красных коралловых столбах. Внутри резвились морские животные — даже в тронном зале, где с угрюмым видом восседал царь-дракон. Когда ему представили Сань Лана, он приказал ему играть на флейте. Музыкант повиновался.

С первых же нот дракон перестал щипать свою пышную бороду, а его кислая мина сменилась сияющей улыбкой. Величайшее удовольствие было написано на его лице. Сань Лан закончил пьесу, и государь осыпал его похвалами. Он приказал позвать своих дочерей, чтобы и они насладились этой божественной музыкой. Тотчас же вошли три барышни, все очень хорошенькие; но одна из них была до того очаровательна, что глубоко запала в душу Сань Лана. У каждой в руке была флейта. Сань Лан подарил собравшимся еще одну мелодию, после чего царь попросил дочерей показать свои таланты.

Сначала поочередно сыграли две старшие, но игра их была столь посредственна, что дракон от скуки задремал. Тогда взяла свою флейту младшая, та самая прелестная девушка, чья красота так взволновала Сань Лана. Она извлекла из своего инструмента столь гармоничные звуки, что царь, пробудившись, просто обезумел от восторга и бурно ей зааплодировал. Затем он заявил: «Дочь моя, у вас, безусловно, есть талант, но все же вы уступаете этому человеку. Я даю его вам в учителя. Постарайтесь же воспользоваться его уроками».

Итак, Сань Лан зажил в стеклянном дворце. Госпожа Каракатица следила за тем, чтобы дни его протекали со всеми удобствами и в полном довольстве. Ежедневно он имел счастье встречаться с прелестной принцессой и обучать ее своему искусству. Она делала большие успехи и вскоре сравнялась со своим учителем. Их дуэты очаровывали царя-дракона. Однако с течением времени уроки становились все менее усердными: в сердцах двух молодых людей зародились нежные чувства. Все чаще флейты молчали: их сменили любовные беседы.

Но влюбленные не заметили, что за ними постоянно следят. Старшие сестры, больные от зависти, подслушивали все, что могли. Удостоверившись в своих предположениях, они поспешили к отцу: «Наша сестра влюбилась в земного человека. Если вы не примете мер, она того и гляди с ним сбежит».

Дракона охватил сильный гнев, ибо эта принцесса была его любимой дочерью: он готов был претерпеть любые беды — только не разлуку с ней. Поэтому он вызвал ее в тронный зал и допросил. С обезоруживающей искренностью красавица призналась в своей любви к Сань Лану. Вне себя государь потребовал госпожу Каракатицу и загремел: «Заприте мою дочь в ее спальне, и пусть она не выходит оттуда ни под каким предлогом!» Затем он послал за генералом-крабом и, поручив ему возглавить отряд солдат, приказал привести флейтиста, связанного по рукам и ногам. Что и было исполнено.

Посмотрев на своего пленника, дракон вырвал длинный волос из своей бороды и велел зашить ему рот, дабы он не мог больше очаровывать принцессу своей игрой. После чего краб препроводил его на отдаленный и пустынный остров, оставив там в немом и мрачном одиночестве.

Госпожа Каракатица **Китай**

В то время, как Сань Лан изнывал на каменистой земле мрачного и недоступного острова, принцесса проводила дни в своей роскошной спальне, проливая слезы... в объятиях госпожи Каракатицы! С почти материнским участием та утешала девушку и сулила ей, сама не слишком в это веря, лучшие дни. Внезапно доложили о солдате, посланном с вестью от царя. Он потребовал от Каракатицы препроводить принцессу в тронный зал, где ее ждало крайне важное сообщение. Девушка явилась туда, вся трепеща, и ее отец изрек следующее, пытаясь смягчить свой голос, в котором все еще звучал гнев:

«Дочь моя, я очень недоволен вашим поведением. Однако я добрый отец и согласен все забыть, если и вы поступите так же. А за это я исполню ваше желание, коль скоро вы так торопитесь замуж. Я выбрал вам мужа, который по сердцу мне: им будет мой дорогой друг, дракон Нань Цзихань».

Услышав это имя, принцесса чуть не упала в обморок. Пришлось госпоже Каракатице отвести ее обратно в спальню и утешать бедняжку.

Придя в себя, девушка зарыдала еще горше. Этот Нань Цзихань, за которого ее хотели выдать замуж, был в высшей степени отталкивающим существом. Безобразный и уродливый, он отнюдь не искупал этого душевными качествами: его хвастовство и трусость вошли в поговорку. Неизменно разглагольствуя о своих мнимых подвигах, он бежал прятаться при малейшем намеке на опасность. А его свирепая жестокость отражалась в его варварском поведении: он питался исключительно каракатицами и золотыми рыбками, что, как известно всем, просто омерзительно. Сама мысль о том, что ей придется прожить несколько веков с таким отвратительным созданием, вызывала у принцессы тошноту. Кроме того, ее сердце принадлежало Сань Лану, и она не собиралась менять своих привязанностей.

Госпожа Каракатица тоже не одобряла этого брака. Она ненавидела Нань Цзиханя, губившего благородное племя каракатиц ради удовлетворения своего звериного аппетита. Поэтому, дождавшись, когда ее хозяйка заснула, она выскользнула из дворца. Она плыла долго и прибыла в страну каракатиц. Собрав их всех, она рассказала им, что случилось, заключив:

«Сестры мои, мы должны действовать. Мы не можем допустить, чтобы гнусный Нань Цзихань обосновался в этом царстве. Для нас настал час мести!»

Племя каракатиц горячо одобрило эту речь. Самые умные из них до позднего часа усердно разрабатывали план нападения.

Спустя некоторое время Нань Цзихань, сопровождаемый пышной свитой, с большой помпой прибыл в стеклянный дворец. Его сопровождали огромные крабы, вооруженные до челюстей, ибо он был трусом и боялся нападения. Но в тот момент, когда он собирался вступить во дворец, изо всех щелей, из расселин в скалах, из подводных зарослей выплыло множество каракатиц, окруживших его войско. Внезапно и одновременно они открыли чернильные мешки — свое излюбленное средство защиты. В море наступили густые сумерки, окутавшие Нань Цзиханя, его охранников, хрустальный дворец и все окрестности.

В то время, как дракон и его солдаты блуждали во мраке, госпожа Каракатица пробралась к спальне принцессы. Она крепко прижала ее к себе и, пользуясь суматохой и темнотой, уплыла с ней на далекий коралловый остров, известный ей одной. Оставив там принцессу, она отправилась за Сань Ланом, которого привезла туда же. Встреча влюбленных была волнующей, но довольно немногословной, так как рот у музыканта был по-прежнему зашит. Кроме того, было еще одно неприятное обстоятельство: как прожить на острове, где ничего не росло?

Изобретательная госпожа Каракатица нашла выход и из этого положения. Она аккуратно выпорола волосок от драконьей бороды, которым был зашит рот флейтиста. Она не причинила ему боли, и он сразу смог поговорить со своей красавицей и поиграть на своем любимом инструменте. Не желая мешать их любви, Каракатица поплыла к расположенному рядом материку, где раздобыла деревянное корыто. На глазах у удивленных молодых людей она наполнила его соленой водой и бросила туда волосок от драконьей бороды. Вода забурлила, покрылась пеной, а потом опять стала прозрачной. В ней плавали сотни золотых рыбок.

«Вот этим вы будете зарабатывать на жизнь,— сказала госпожа Каракатица.— Я достану Сань Лану лодку, и он будет ездить на ней в город продавать этих приносящих счастье рыбок. Мне же достаточно моря».

Сань Лан женился на принцессе, и они неплохо зарабатывали на жизнь, торгуя золотыми рыбками. У них были дети, которых Каракатица воспитывала, как настоящая нянька. Говорят, что, подобно своим родителям, они стали превосходными музыкантами.

Троянское чудище Греция

С верхней террасы дворца царь Лаомедонт разглядывал свою прекрасную Трою. Новые мощные стены окружали со всех сторон город, казавшийся отныне неприступной крепостью. Построили эти укрепления бог моря Посейдон и его племянник Аполлон, правивший колесницей Солнца. Долгие месяцы боги выкорчевывали из земли гигантские камни, укладывали их друг на друга, промазывали швы раствором, воздвигая стены. Лаомедонт был в восхищении, но сердце у него щемило: ведь когда боги завершат этот тяжкий труд, ему придется им платить. А царь был очень скуп.

Когда работники пришли за платой, царь велел принести два мешка золота. Аполлон раскрыл свой мешок, стал считать и воскликнул: «Это меньше, чем было обещано!» Посейдон же возопил: «Царь Трои, ты нас постыдно обкрадываешь!»

Лаомедонт ответил: «Берите то, что я вам даю, попрошайки, и немедленно покиньте мое царство, а не то я прикажу своей страже проучить вас!» Сдерживая ярость, боги ушли.

Владыка Трои совершил ошибку: если уж ты живешь у моря, то лучше не обкрадывать, не оскорблять и не пугать Посейдона. Бог моря вернулся в свое подводное царство вне себя от ярости.

Лаомедонт же забыл об этом неприятном случае, радуясь тому, что сумел сберечь частицу своих несметных богатств. Но в один прекрасный день он увидел со стены, как к городу бежит толпа обезумевших крестьян. Взглянув подальше, он увидел и причину их ужаса: среди пенных волн извивался кольцами страшный морской змей. Он поднимался над бушующим морем и извергал водопады морской воды на поля, затопляя их. Время от времени он раздирал какого-нибудь несчастного на куски своими устрашающими клыками.

Царь затрепетал. Он понимал, что виновник этого бедствия — он. Когда беглецов отвели в безопасное место, он призвал своих прорицателей, знавших будущее. Мудрые старцы заявили: «Только одним можно умиротворить Посейдона и вернуть чудовище в его подводное логово: принести в жертву девушку, выбрав ее по жребию».

Жребий пал на царевну Гесиону, родную дочь государя. Царь хотел повторить эту зловещую жеребьевку, ибо обожал свое дитя, но тут сказали свое слово боги. На рассвете Гесиону отвели на берег и приковали к скале.

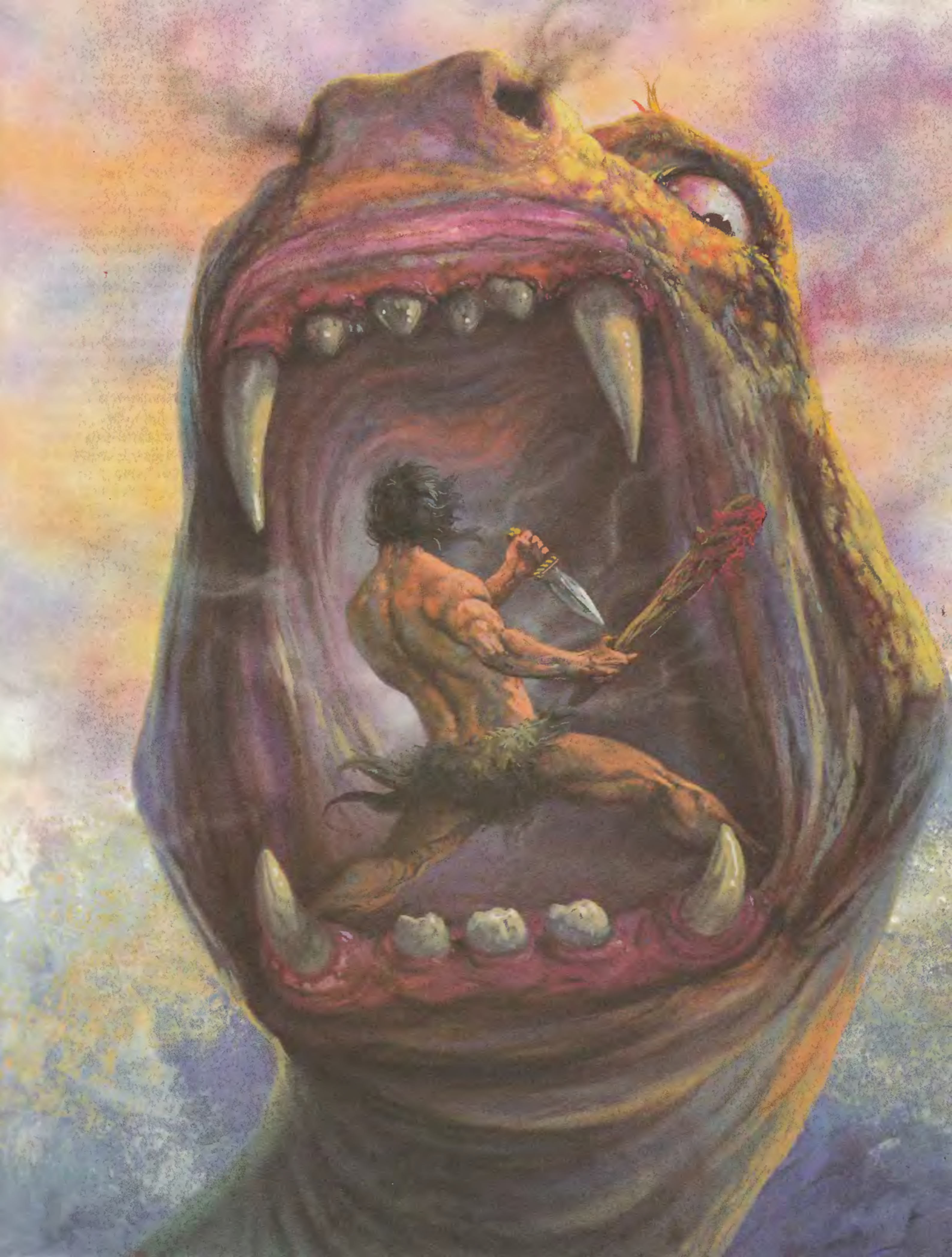
Лаомедонту, томившемуся на своем троне, доложили о госте. Тут же вошел Геракл. Он приветствовал правителя и осведомился о причине царившего в городе волнения. Когда он узнал все, то заявил: «Царь, я освобожу твою дочь. А за этот подвиг ты мне отдашь двух твоих белых кобылиц — тех самых, которые бессмертны и могут скакать по волнам». Лаомедонт согласился.

Тотчас же Геракл устремился на берег. Несчастная Гесиона, насмерть перепуганная, плакала горькими слезами и тщетно билась в своих оковах. Герой насыпал перед скалой земляной вал, спрятался за ним, поиграл палицей и стал ждать.

Вскоре на спокойной глади вод появилась зловещая складка. Затем море закипело, забурлило... Геракл видел, как то всплывали, то вновь погружались отвратительные кольца. Внезапно все потряс сильный удар: чудище наткнулось на вал. В ярости оно высоко подняло свою ужасную зияющую пасть. Геракл, не дрогнув, вскочил на гребень вала и в тот момент, когда к нему приблизилась морда чудовища, схватился за обе его челюсти, с силой раздвинул их и проник в полном вооружении в нутро гнусного чудовища. Там царили непроглядный мрак и удушающий смрад. Пустив в ход свое оружие — палицу и меч,— герой стал наносить морскому змею рану за раной. Когда огромная туша перестала шевелиться, обессиленный Геракл вышел тем же путем, что и вошел. Он выбрался наконец из глотки мертвого чудовища: бой длился три дня и три ночи!

Вызволив принцессу, герой привел ее к отцу. Лаомедонт прижал свою дочь к сердцу и поблагодарил Геракла. Тот напомнил царю о его обещании. Лаомедонт подумал, что, коль скоро опасность миновала, жаль было бы расставаться с чудесными кобылицами. Поэтому он предложил Гераклу двух других кобыл. Изнуренный ужасной борьбой, из которой он вышел с опаленными кожей, ресницами и волосами, герой от обиды почувствовал прилив сил и воскликнул: «Царь, сдержи свое слово! Заплати мне назначенную цену!» Напыжившись от спеси, забыв урок, преподанный ему Посейдоном, Лаомедонт стал угрожать Гераклу. Ответ был скорым: удар палицей положил конец жизни вероломного государя.

Когда гнев Геракла утих, он, вручив скипетр сыну Лаомедонта, Приаму, покинул город, которому не угрожал более гнев бога морей.

Затонувший город

Бретань

На берегу Арморианского моря гордо возвышались башни цветущего города Ис; его богатые дома теснились вокруг роскошного дворца. Король Градлон заботился о судьбах счастливого народа. Однако сейчас он сидел на троне с нахмуренным челом, и придворные чувствовали, что его гложут черные мысли.

Догадка эта была верной: его величество был встревожен поведением дочери. Уж очень необычным созданием была принцесса Дахут! Некогда, путешествуя по северу, король женился на фее. Она умерла, подарив ему прелестную девочку Дахут. Дочка выросла и часто не слушалась своего отца, который прощал ей все — его трогал ее взгляд, такой очаровательный и задорный одновременно. Став молодой женщиной редкой красоты, Дахут-Белянка, как называли ее за ослепительно белую кожу, стала проявлять весьма странные наклонности.

Ее прелестное лицо и золотисто-белокурые волосы привлекали молодых людей. Она же, увлеченная красотой одного юноши или обаянием другого, приглашала их порой в свои покои. Молодой человек спешил туда и наслаждался два-три дня вниманием красавицы; затем он ей надоедал, и она выбирала другого. Но прежних влюбленных никто уже больше никогда не видел, и поговаривали, что их по ее приказу бросают в море... По примеру своей принцессы и прочие жители Иса тоже дали волю самым дурным наклонностям, пренебрегая законом и приличиями.

Так что у Градлона были веские причины для тревоги. Впрочем, от одной заботы он был все же избавлен: построенный ниже уровня моря, но защищенный мощной дамбой, город был недоступен для захватчиков. Градлон улыбнулся при этой мысли, поглаживая висевший у него на шее ключ от морских ворот.

Но однажды ко двору явился незнакомец, одетый в красное. Он вошел в тронный зал, приветствовал короля и попросил предоставить ему кров. Говорят, что звали его Ален из Карнака. Король приказал подать ему стул, и, едва усевшись, красивый чужеземец пристально посмотрел своими горящими глазами прямо в глаза Дахут. Красавицу проняла дрожь. Впервые ее сердца коснулась настоящая любовь. Когда настало время расходиться по своим покоям, Дахут предложила человеку в красном последовать за ней. Ален ласково посмотрел на нее, но отклонил предложение. Раздосадованная, она вернулась к себе в спальню, но во сне только и видела, что этого молодого человека. В следующие дни они нередко прогуливались вместе рука об руку, ласково беседуя друг с другом. Никогда еще в Исе не видели такой прекрасной пары. Однако, когда наступала ночь, Ален покидал Дахут у дверей ее покоев.

Как-то вечером, расставаясь, он прошептал ей: «Душа моя, вы то и дело говорите, что любите меня. Мне хотелось бы вам верить, но вы мне ничем этого не доказали». Дрожа, Дахут спросила: «Что я должна сделать?» Человек в красном сказал с очаровательной улыбкой: «Не могли бы вы, ради нашей любви, принести мне ключ, который ваш отец так бережно хранит на шее?» Дахут вздрогнула и побежала в свою спальню. Она любила этого человека и решила выполнить его просьбу. Дождавшись глубокой ночи, она пробралась в опочивальню короля. Он крепко спал. Принцесса приблизилась к его ложу и своими изящными ручками развязала шнурок, на котором висел ключ. С бьющимся сердцем прибежала она к своему другу. «Держите, господин мой, вот то, что вы желали. Теперь вы верите, что я безумно люблю вас?»

Человек в красном язвительно расхохотался. Он оттолкнул красавицу и с ключом в руке устремился к морским воротам.

Он открыл их без труда и исчез; а тем временем пенистые волны, крутясь, заливали город, разрушая все на своем пути, топя животных и людей. С галереи своего дворца Дахут в ужасе наблюдала за бедствием, разыгравшимся по ее вине. Когда первое оцепенение прошло, она поняла, что боги послали этот потоп в наказание за ее дурное поведение. Она побежала тогда в спальню своего отца и разбудила его.

Градлон сразу понял, что случилось: достаточно ему было взглянуть на город, исчезавший в океане. Он побежал седлать своего черного жеребца и, посадив дочь на круп, пустился галопом к ближним холмам — надежному месту, куда море не достигало. Но за ними мчались яростно ревущие волны. Он обернулся и увидел, что они все неистовее гонятся за ним. Они уже хлестали по ногам коня, который, испугавшись, встал на дыбы и сбросил Дахут. Она упала в воду, и ее унесло морской волной, тут же отступившей. Градлон, оставшись один на берегу, оплакивал свою дочь и свой город — все, что он любил больше всего на свете и что отняло у него море.

Если вы когда-нибудь побываете в Бретани, то обязательно найдутся пожилая женщина или более разговорчивый, чем его товарищи, рыбак; они покажут вам место между Киброном и островом Бель-Иль, где находился, по преданию, затонувший город. Они расскажут вам также, что Дахут-Белянка не погибла. Она стала феей, и в реве бури и свисте ветра слышится ее жалобный голос, зовущий рыбаков и увлекающий их на верную смерть.

Заколдованный корабль Греция

Юноша шел босиком по горячему прибрежному песку, шум волн убаюкивал его мысли. Его высокий рост и гордый взор придавали ему неземную красоту. Остановившись, он взглянул на стоявший у берега корабль. Внезапно пять человек перепрыгнули через борт и, рассекая волны, направились к нему. Он спокойно смотрел на них, поняв, что они замыслили зло, лишь тогда, когда они вступили на берег. Они набросились на него, связали веревками из лозы, а затем отвели пленника на корабль и предались шумной радости.

«Этот юноша великолепен,— закричал один из них.— Мы получим за него хорошую цену на рынке рабов». Пленник понял тогда, что попал в руки безжалостных пиратов. Однако окружавшим его злобным людям он ответил спокойной и даже насмешливой улыбкой. Он явно не чувствовал ни малейшего страха. Разбойники уже обсуждали, за какую цену они его продадут и на что потратят деньги, когда, не двинув и мускулом, пленник освободился от своих уз. Веревки упали к его ногам, как осенние листья.

Пираты, ничуть не напуганные этим чудом, со свирепым видом приблизились к нему, чтобы связать вновь.

«Что вы делаете? — воскликнул кормчий, обращаясь к своим товарищам.— Неужели вы не видите, что этот юноша — не смертный человек? Он, несомненно, бог! Не лучше ли его отпустить? Если мы будем насильно его удерживать, это не принесет нам добра».

Но это мудрое предостережение было встречено смехом.

Самый рослый пират, видимо главарь, бросил: «Занимайся своим делом, кормчий, и не вмешивайся в наши дела. Этот юноша не внушает нам страха. Если его узы порвались, значит, они были слишком слабыми. Поднимайте якорь, ставьте паруса и налегайте на весла! Поедем продавать нашу добычу».

Моряки взялись за работу, и вскоре корабль вышел в открытое море.

Охраняемый несколькими моряками, юноша по-прежнему улыбался. Вдруг один из разбойников указал своим товарищам на нечто странное: по палубе потекла тонкая струйка пурпурной жидкости. Вскоре она превратилась в настоящий ручей. Ошеломленные моряки увидели, что это чистое вино. Опьяняющий запах наполнил атмосферу. Морской прибой звучал странной музыкой, которая, усиливаясь, превратилась наконец в пронзительный напев. Громкие вопли потрясли воздух. Перепуганные гребцы увидели, что весла их задрожали, как живые, стали гибкими и превратились в огромных пестрых змей, извивавшихся мерзкими кольцами. Палуба затрещала, и из образовавшихся щелей полезли крошечные зеленые ростки, тянувшиеся вверх со сказочной быстротой. В одно мгновение мачты и реи были увиты пышными виноградными лозами, с которых свисали тяжелые алые гроздья, а снасти — плющом, покрывшим их сверху донизу. Ошеломленные, не верившие своим глазам, моряки видели, как корабль их превращается в пышный дикий сад, плывущий по соленой морской воде. У них закружилась голова, они в страхе попрятались за спину доброго кормчего, единственного, кто сохранял хладнокровие. Раздалось ужасное рычание. Неведомо откуда выскочил лев, а за ним — свирепый бурый медведь. Дикие звери, облизываясь, направились к пиратам. Обезумев от страха, те попрыгали за борт. Они нырнули, выплыли на поверхность и ушли вновь под воду: едва коснулись они воды, как перестали быть людьми; эти жестокие морские разбойники превратились в дельфинов — симпатичных животных, друзей человечества!

Юношу, стоявшего лицом к кормчему, окружил ореол искрящегося света. Он спокойно произнес: «Не бойся ничего, друг. Ты за меня заступился, и я тебе за это признателен. Я бог вина, празднеств и дикой природы Дионис, сын великого Зевса. За то, что ты защитил меня в опасности, моя мощь всегда будет с тобой и я не оставлю тебя в беде». Бог позвал затем Борея — божество северного ветра, который с силой надул парус. Кормчий умело управлялся с рулем, и корабль поплыл по приказу Диониса за горизонт, к чудесным странам, где рождается солнце.

Рождение волн **Новая Зеландия**

В очень далекие от нас времена в мире царила полная симметрия. Создатель его, Таароа, разделил его на две равные части: одна была сплошной сушей, где беззаботно существовали камни, деревья, животные и люди; все остальное было морем. Море тогда было совсем не таким, как ныне. Это была сплошная неподвижная водная гладь, которую не нарушала ни одна морщинка. Его поверхность напоминала огромное зеркало. Так и жил мир — в полной гармонии между неподвижной землей и неподвижным морем.

Впрочем, равенство между ними не было полным: земля могла забавляться со всеми существами, обитавшими на ней, а бедное море, со своей пустынной поверхностью, ужасно скучало. Бездействие оставляло ему много времени для размышлений, и оно придумало хитрость: днем оно, конечно, не могло двигаться, ибо боги, увидев это, наказали бы его... Зато ночь принадлежала ему. По ночам оно могло делать все, что ему нравится,— лишь бы боги не узнали, а для этого ему просто нужно было обходить стороной их владения.

И каждую ночь, едва закатное солнце исчезало за горизонтом, море начинало постепенно наступать на землю; оно размывало ее, образуя долины, заливало обработанные поля, а иногда топило и людей. Тем не менее оно старалось не тревожить сон богов, бесшумно обходя запретные места, где они пребывали. Места эти становились островами, а море продолжало распространяться вокруг них. Итак, по ночам оно тайком продвигалось вперед, а с восходом солнца вновь застывало в неподвижности. Поэтому боги и не подозревали о его проделках. Люди тоже вначале ничего не замечали. Однако, когда они увидели, что океан крадет их земли и угрожает их жизни, они встревожились не на шутку. Правда, люди только и умели, что трепетать перед нависшей над ними опасностью, но один из них, по имени Араи, решил, что пора действовать. Мужественный, хорошо сложенный, он отличался, кроме того, поразительной наблюдательностью, исключительной прозорливостью и силой воли. Наблюдая за движением моря, он заметил, что оно обходит стороной те места, где пребывали боги. Оно явно не желало их заливать. И Араи нашел выход. Ему оставалось лишь проявить непоколебимую решимость, ибо для преодоления этой опасности нужна была исключительная храбрость. Найдя запретную гору, которую наступающее море еще не отделило от земли, он решил направиться туда. Он понимал, что нарушает тем самым покой бога и может навлечь на себя его гнев, но у него не было другого выхода! На рассвете следующего дня он пустился в путь и поднялся на священную гору. Достигнув вершины, он нашел там гигантский алтарь, сложенный из камней различного размера и цвета. Трепеща при мысли о том, что ему придется потревожить бога, Араи осторожно подошел к алтарю и схватил один из камней. Острая боль мгновенно пронизала все его тело: камень обжег ему руку. Было бы, однако, глупо бросить его теперь, когда было сделано самое трудное. Поэтому он принес драгоценный камень к себе домой и стал ждать вечера.

Солнце начинало склоняться к западу, становясь из золотисто-желтого красновато-оранжевым. Араи вышел на берег и остановился в нескольких шагах от океана, пока еще неподвижного. Он вырыл в песке яму, осторожно положил туда священный камень и закопал его. Потом он спрятался за деревьями, уселся и стал терпеливо ждать. Вскоре спустилась ночь, и весь мир окутал густой мрак. Навострив уши, Араи услышал негромкий плеск, а потом — ревущий прилив: вода то наступала, то отступала, неприметно продвигаясь вперед,— и ничто не могло ее остановить.

Море, спавшее весь день, не подозревало о западне, которую подстроил ему Араи. Оно спокойно продвигалось, уверенное в том, что расширит свое царство и восторжествует над землей и людьми. Наконец оно достигло ямы, где лежал камень, разбудив тем самым спящего бога. Тот побагровел от ярости и рассек небо ослепительной молнией, сопровождавшейся оглушительным громом. От этого удара море застыло на месте: оно никогда не пойдет дальше. Но движений, к которым оно уже привыкло, нельзя было остановить. Вот с тех пор на море и появились волны...

Не думайте, однако, что оно отказалось от мысли поглотить землю и живые существа. Время от времени оно опять идет на приступ в виде бури или прилива. Однако теперь существуют волны, и по одному их плеску люди знают, когда море готовится к нападению.

От истории к легендам

Если бы внеземной астроном наблюдал из космоса за нашей планетой через не слишком мощный телескоп, он вряд ли заметил бы сушу, образующую континенты, увидев лишь воду. Ведь поверхность морей и океанов составляет около 361 300 000 квадратных километров, то есть более 70% процентов общей поверхности земного шара. Недавнее определение Земли как «голубой планеты» отражает, следовательно, бесспорную истину. В ходе своей длительной эволюции человечество очень рано столкнулось с океаном. Стихия эта была благодетельной, она служила источником пропитания, но иногда ужасала — когда ей случалось разбушеваться до катаклизма. Словом, море порождало у человека весьма неоднозначные чувства, отразившиеся в мифах, легендах и сказках. Проявляются эти чувства и в современном мире — через литературу и кинематограф.

Порой море завораживает своей безграничностью, сулящей необычайные, расширяющие кругозор приключения; а порой ужасает яростными бурями или опустошительными цунами. Волнует оно и тайнами, скрытыми в его долгое время недоступных глубинах. И хотя благодаря достижениям современной науки мы знаем, например, что его максимальная глубина приближается к 11 034 метрам, нам еще далеко до полной победы над этой капризной стихией. Слишком частые катастрофы показывают нам, что море вряд ли превратится когда-нибудь для человека просто в место для безмятежных летних купаний. Тем не менее оно нам жизненно необходимо в полном смысле слова.

Морские божества

Почти во всех древних культурах море занимает особое место. Именно там рождается множество богов и сверхъестественных существ. По преданиям континентальных кельтов, из волн морских вышли волшебник Мерлин и фея Моргана, а по преданиям валлийцев — Дилан Эйл Тон (Дилан, сын волн); в Греции из морской пены возникла богиня любви Афродита, а ее брат по отцу, солнечный бог Аполлон, был, по преданию, рожден на острове Делос, где находят приют и размножаются морские чудовища. В месопотамских мифах фигурирует Оаннес — гигантская рыба с человеческой головой, покинувшая океан ради того, чтобы принести людям блага цивилизации. В китайских и японских морях живут цари-драконы — иногда кровожадные, иногда благодетельные. В преданиях индейцев Мексики рассказывалось о великом пернатом змее — Кецалькоатле, который вышел из моря и возродил человечество, уничтоженное потопом. Он научил людей всему необходимому для жизни и, выполнив свою миссию, отбыл на восток на плоту из переплетенных змей. Все эти мифы и легенды свидетельствуют о том, как завораживала человека морская стихия.

Вначале было море

Судя по последним научным данным, океан некогда покрывал почти всю нашу планету. На вершинах самых высоких гор геологи находят ископаемые остатки морских животных, относящихся к далеким доисторическим эпохам. А согласно общепринятым биологическим теориям, море — источник жизни на земле. Поразителен тот факт, что современные ученые, опираясь на солидную научную базу, повторно открывают то, о чем интуитивно догадывались многие древние, так называемые первобытные народы. Самые древние из известных нам цивилизаций считали море матерью мира и людей. Древние египтяне полагали, что вначале мир был лишь безграничным океаном, именуемым Нун, откуда постепенно поднялся остров. На нем родился бог солнца Ра, а уж от него пошли все живые существа. В Шумере (Месопотамия) рассказ этот был драматичнее: благодетельный бог Мардук вступает в жестокий бой с океанским чудищем Тиамат и убивает его: из тела этой морской богини он создает мир. У североамериканских индейцев-гуронов изгнанная с неба богиня Атаэнтсик пытается обосноваться на нашей планете, которая была тогда лишь безграничным океаном. Черепаха подставила ей на время свою спину, а ондатра спешно построила для нее остров, где она впоследствии породила другие живые существа.

Кельты считали отблески света на поверхности спокойных вод границей между двумя мирами. Фото Ж. Рагаша.

Мифы о том, что жизнь зародилась в морской стихии, существуют в изобилии во всех уголках земного шара. Так же обстоит дело с легендами о потопе: на всех континентах и в самых различных цивилизациях встречаются рассказы о затонувших землях. Их почему-то очень мало в Африке, зато во всех других местах они встречаются в самых различных фор-

мах и нередко связаны между собой родственными узами. Один из первых письменных памятников в истории человечества — шумерский «Эпос о Гильгамеше», который повествует о потопе, пережитом Утнапиштимом, во многом сходен с библейской легендой о Ноевом ковчеге. И у греков разгневанные боги посылают на землю потоп, от которого спасся только один человек — Девкалион. А вот в мексиканских мифах потоп продолжается целых 52 года. Некоторые из этих потопов не имеют всемирного размаха, а обрушиваются лишь на ограниченную и конкретно обозначенную территорию: об этом рассказывают многочисленные кельтские легенды. Однако в большинстве случаев это стихийное бедствие происходит по воле богов и кладет конец нетерпимому положению, порожденному, как правило, людской злобой. Затем человечество возрождается благодаря такому доброму и мудрому человеку, как Ной или Девкалион, или такому богу-миротворцу, как Кецалькоатль («пернатый змей») мексиканских ацтеков.

Нельзя, конечно, считать, что все эти рассказы отражают, пусть даже с искажениями и преувеличениями, какие-то исторические реальности. В основе легенд, в частности, бретонских, о местных потопах еще может лежать какой-либо реальный факт (например, большая нагонная волна), на который с течением времени наслоилось множество фантастических подробностей. Зато истории о всемирных катастрофах являются, возможно, лишь поэтическим отражением тотального разрушения и последующего обновления. Что-то резко изменилось в обществе, и люди изобразили эту перемену в виде потопа. Но, как бы то ни было, эти мифы говорят о том, сколь глубокое впечатление производила на людей разрушительная мощь океана.

Некогда бури считались проявлением гнева морских богов. Слева — побережье Ирландии. Вверху — прибой у острова Уэсан (Бретань, Франция). Фото Ж. Рагаша и А. Вейса («Иксплорер»).

Грозное царство богов

Древние и помыслить себе не могли, чтобы буря, разрушавшая их дома, топившая корабли, губившая людей, могла быть просто явлением природы, объяснимым естественными причинами. Они видели в ней выражение злой воли или более или менее праведного гнева могущественного божества. Морские боги и богини фигурируют в большинстве мифологий. Греческий Посейдон, с его грозным трезубцем и увитой водорослями головой, вспыльчивый и переменчивый, чем-то похож на японского бога Сусано-во — такого же, как он, гневливого и мстительного, виновника землетрясений и цунами. Гигант Эгир и его жестокая супруга Ран у скандинавов столь же вздорны и неуживчивы, как и Руакула у маори. Придумавшие их народы никак не были связаны друг с другом, но морские божества повсеместно весьма обидчивы и сурово наказывают виновных за дерзость или непочтительность.

Однако во многих мифологиях фигурируют морские божества, более благосклонные к людям. Таков, например, морской старец Нерей у греков. Его внешность весьма загадочна, ибо он неуловим и принимает по желанию любой облик. Однако он знает буду-

щее и порой, правда, неохотно, делится этими знаниями с кем-либо из героев, тем самым помогая им. Его пятьдесят дочерей, волны-нереиды, могут вынести потерпевшего кораблекрушение мореплавателя на гостеприимный берег, но способны и вдребезги разбить корабль.

Словом, океанским божествам присуща двойственность. Поэтому люди и чтут их, и опасаются, тем более что в гневе своем они могут не только вызвать буйство стихий, но и наслать на землю губительных морских чудовищ.

Странные существа

Самые крупные животные нашей планеты живут в океане. Киты, кашалоты, касатки достигают веса, невиданного у наземных животных. Весьма вероятно, что это породило веру во враждебных людям морских чудовищ. В любом мифе о море упоминается о громадном животном — как правило, людоеде, несущем на своем извилистом пути бедствия и опустошение. Иногда это существо может выходить на сушу, нападая на человека и там; иногда оно подстерегает на дне морском смелого моряка, дерзнувшего нарушить его покой. Любопытно, что во многих рассказах такое чудовище изображается в виде пресмыкающегося — змея или дракона. Впрочем, если морские змеи и существуют, они никогда не достигают тех фантастических размеров, которые приписываются им в мифах. Вполне возможно, что образ морского змея был навеян поэтам древности постоянным волнением моря, его приливами и отливами. Впрочем, почти повсюду змей считается священным и порой становится воплощением абсолютного зла.

Излюбленная древними тема морского чудовища жива и в современном мире. Доказательство тому — гигантские спруты, описанные в романах Виктора Гюго («Труженики моря») и Жюля Верна («20 000 лье под водой»), гигантский белый кит Мелвилла («Моби Дик») и кровожадная акула из сравнительно недавнего фильма «Челюсти». Темный страх наших предков перед безбрежным океаном таится и в наших душах.

Морские животные

Морские чудища, столь часто упоминаемые в легендах,— не просто плод фантазии. Огромные и ужасающие животные и в самом деле бороздят океаны. Вид их внушает страх, и с этим связана их порой незаслуженная репутация. Например, мифы нередко рассказывают о китах-людоедах, хотя эти миролюбивые животные при всем желании не смогли бы проглотить человека. Они кормятся планктоном и мелкой рыбешкой. Куда обоснованней страх перед акулами. Тем не менее, хотя некоторые виды акул действительно агрессивны и опасны, большинство их совершенно безобидно. На Таити их даже считают божествами Атуа Мао — покровителями мореплавателей. Во время коронации таитянский король входил в море, куда к нему якобы приплывали акулы, чтобы омыть и обласкать его, дать ему «морской поцелуй». Помимо этих несправедливо очерненных животных, есть одно с безупречной репутацией. Это дельфин, прославившийся от Греции до Китая как великий друг человека. Есть множество рассказов о том, как дельфины спасали людей, потерпевших кораблекрушение. И хотя эти легенды не подкреплены ни одним проверенным фактом, дельфин, видимо, заслуживает нашей симпатии.

Столкновения между человеком и гигантскими морскими животными породили немало легенд. Внизу — поимка гигантского кальмара в XIX веке. Справа — одна из иллюстраций к знаменитому роману Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». Фото Мэри Эванс «Пикчер» («Иксплорер»).

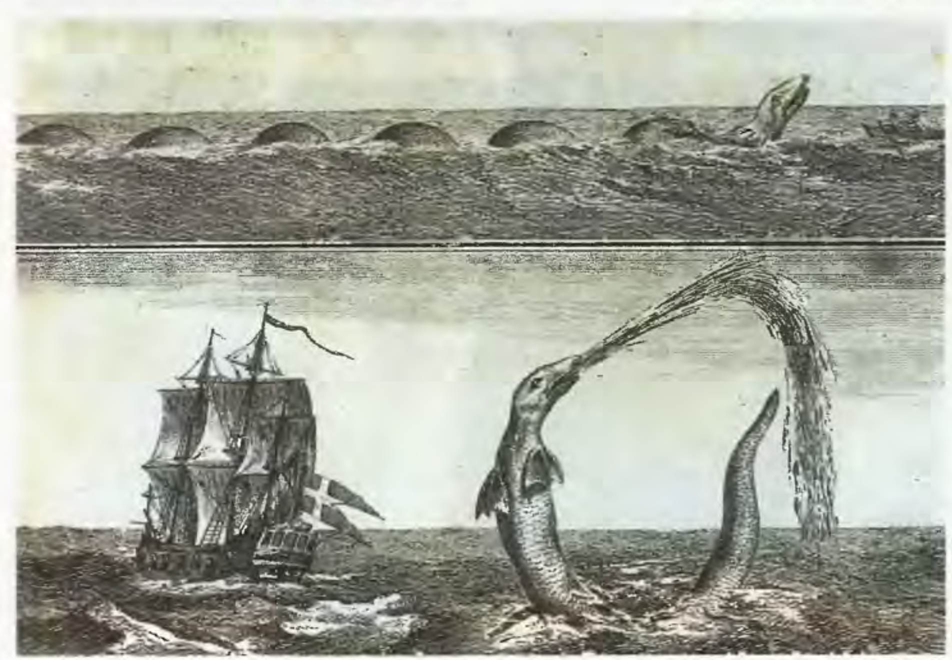
Но коварное море грозит людям и другими, более серьезными, опасностями. Внезапное нападение чудовища, как и внезапно разразившаяся буря, ужасают, не заставая, однако, врасплох; человек заранее ожидает эти опасности и противостоит им. Но бесстрашного путешественника подстерегают и скрытые опасности, невидимые, как подводные камни под безмятежно спокойной поверхностью моря: это прекрасные создания с порой жестокими намерениями. Миф о сиренах широко распространен в самых различных формах. У древних греков сирены, сладким пением завлекающие на подводные скалы таких мореплавателей, как Ясон или Одиссей,— это крылатые создания с женскими головами. Скандинавская

Копенгаген. Одна из самых знаменитых скульптур мира — «Русалочка», навеянная сказками Андерсена. Фото Ж. Рагаша.

Много веков люди считали причиной некоторых кораблекрушений фантастических морских чудовищ. Справа — Кракен, гигантский спрут из скандинавских легенд. Внизу — гравюра XVIII века, изображающая морского змея. Фото Мэри Эванс. «Пикчер» «Иксплорер».

же русалочка — полуженщина-полурыба — редко бывает опасной. Это хрупкое существо может даже утратить свое бессмертие, влюбившись в человека. Зато у кельтов дочери моря — женщины невиданной красоты — выходят на землю, очаровывая юношей, а потом увозят их на стеклянном корабле или уводят по подземным ходам в свои владения — отдаленный остров или подводный дворец. На Таити сирена — дочь кита — в воде наполовину женщина, наполовину рыба; выходя на сушу, она становится кокетливой молодой женщиной и слишком уж заботится о своей внешности...

Мифы о сиренах столь прочно укоренились в умах, что даже Христофор Колумб утверждал, что видел сирен

Корабль-призрак

По морям блуждает корабль с погибшим экипажем. Иногда, в непогоду, он возникает, внушительный и пугающий, перед изумленными моряками плывущих в тех же водах кораблей. Такая встреча может быть дурным предзнаменованием. Такова вкратце широко распространенная легенда о корабле-призраке, возникшая, вероятно, в Северной Европе. Самый знаменитый из них — «Летучий голландец» — по преданию, бороздил море неподалеку от мыса Доброй Надежды. Эдгар По посвятил ему одну из глав своей повести «История Артура Гордона Пима», а Рихард Вагнер — оперу «Летучий голландец». Хотя эта легенда — только плод воображения, корабли-призраки действительно бывали. Один из наиболее известных — «Мэри Селест»,— оставленный своим экипажем, был обнаружен в 1872 году между Азорскими островами и Гибралтаром.

во время своего необыкновенного путешествия. Великий мореплаватель был разочарован: они оказались не такими прелестными, как он думал... Весьма вероятно, что эти «сирены» были ламантинами. Это симпатичные морские млекопитающие, но красотой они, увы, не блещут.

В поисках приключений

Море, конечно, суровая, опасная и неспокойная стихия. Однако оно всегда манило воображение человека и пробуждало в нем ненасытную любознательность. Что там за горизонтом? С незапамятных времен этот жгучий вопрос мучил человечество, находившее на него только один ответ: идти навстречу этой тревожной неизвестности. Об этом свидетельствует большинство мифов различных народов, повествующих о чудесных мореплаваниях. Одиссей и Ясон у греков, ирландец Майль-Дуйн, Бран из средневековой повести, иннуит Кивиок, святой Брендан или викинг Лейф Эриксон бороздят моря, переживают необычайные приключения, делают поразительные открытия. За морскими просторами лежат невиданные земли: райские острова, где люди не знают горестей, омрачающих нашу жизнь; причудливые острова, где люди умеют только смеяться или плакать; зловещие острова, населенные колдуньями, чудовищами или злыми духами; острова, где спрятаны несметные сокровища.

Все эти невероятные путешествия — не просто плод фантазии. Нередко они основаны на реальных фактах, поэтически приукрашенных, преувеличенных или искаженных. Такова, например, сага о Лейфе Эриксоне, повествующая в фантастической форме об открытии викингами Гренландии и Северной Америки. Некоторые подробности, содержащиеся в «Одиссее», наводят на мысль о том, что ее автор обладал реальными познаниями в географии Средиземноморья. Поэтому ученые попытались, с книгой и картами в руках, обозначить вероятный маршрут Одиссея...

Впрочем, и фантастические элементы мифов и легенд на морскую тему не следует рассматривать как пустую выдумку. В них отразились желания и страхи людей, их предрассудки, их познания и невежество, их верования. Кстати, невероятных подробностей хватает даже в тех повествованиях, историзм и достоверность которых несомненны. Так, Марко Поло во время своего долгого пребывания в Китае совершил морское путешествие на Цейлон. И что же он там увидел? Разгуливающих на свободе единорогов! Именно он внушил европейцам веру в это сказочное животное. Современный читатель поймет без труда, что описываемое Марко Поло животное — просто носорог. Открывший Америку Колумб сообщил, что видел там невероятное дерево, на котором растут вниз головой овцы. Это был древовидный хлопчатник, мореплаватель описал невиданное им дотоле растение с помощью привычных слов и образов. Люди считали, что за морями возможно все — даже немыслимое, о чем свидетельствуют мифы и легенды. Путешествие за моря нередко представлялось древним путешествием в иной мир, на тот свет, в царство мертвых. Это подтверждают и шумерское сказание о плавании Гильгамеша, и кельтские легенды о райских островах. В своих странствованиях грек Одиссей и троянец Эней обнаруживают вход

Контуры Средиземного моря были хорошо известны уже в древности. Внизу — карта, выполненная в Марселе Бремоном в 1664 г. Париж, Музей Военно-морского флота. Фото «Иксплорер».

в подземное царство, где властвует Аид, и спускаются туда. У многих морских народов был обычай — класть тело умершего вождя в погребальную ладью или в ладьевидный гроб. Такого рода обряд существовал на всех островах Океании, в Древнем Египте, в Скандинавии, у кельтов. Умереть — значит пересечь океан, а потому всякое мореплавание считалось путешествием на тот свет. В этих верованиях отразилась двойственность морской стихии: она источник жизни и путь к смерти, она созидает и уничтожает, она благодетельна и вредоносна. Современному человеку приятно думать, что океан укрощен благодаря техническому прогрессу. Большие корабли бороздят поверхность морей, подводные аппараты спускаются на дно океана. В погожие летние дни пляжи становятся излюбленным местом отдыха и развлечений. Похоже, что страх древних перед океаном исчез у нынешнего человечества, которое не только перестало чтить его как бога, но и усиленно загрязняет. Хотя наши корабли никак нельзя назвать непотопляемыми, а отдых на море требует известной осторожности.

Изменчивая и неизменная поверхность моря по-прежнему таит если не опасность, то хотя бы тайну. Об этом нам постоянно напоминают древние и современные мифы. Атлантида — затонувший континент, о котором рассказал в V веке до н. э. грек Платон, стала в XX веке темой для множества книг, фильмов и даже комиксов. Мнимая тайна Бермудского треугольника — отголосок древних мифов о странных и необъяснимых исчезновениях. И даже научно-фантастический кинематограф, уводящий обычно зрителя в межзвездное пространство, иногда спускается на дно морское, где находит идеальный фон для ужасающих историй. Словом, воображение человека, как вчера, так и сегодня, видит в океане стихию, с которой связаны его желания и тревоги, его тяга к приключениям и мечты о свободе.

Жители Тихого океана половину жизни проводят на своих райских островах, а половину — на море. Слева — атолл Бора-Бора. Вверху — гонки на пирогах (Таити). Фото Ж.-П. Насиве и С. Грандадама («Искплорер»).

Сильно изрезанная береговая линия бухты Алонг во Вьетнаме, где море и земля тесно переплелись друг с другом. Фото Ж. Брен («Искплорер»).

Издатель: Татьяна Луговая — Выпуск подготовили: Инна Иркова, Людмила Птицына — Технический редактор: Нина Дреничева

60х90/8. Объем 6 п. л. Тир. 55 000 экз. Зак. № 2900. ПО «Детская книга». Москва, Сущевский вал, 49

В поисках тайны бессмертия Гильгамеш пускается в рискованное плавание по черным водам странного океана; чтобы проплыть между Цианеями – ужасающими плавучими островами – аргонавты во главе с Ясоном выпускают голубя, открывшего им путь; желая проникнуть во дворец грозного дракона, царь обезьян Сунь Укун погружается в морскую пучину...
Море – вездесущее, затопляющее города и целые страны, таившее в своих глубинах чудовищ и фей, – пугало и одновременно привлекало древнего человека своей неизведанностью и величием.

С незапамятных времен необычные божества, фантастические создания, счастливые или несчастливые герои населяют мечты человечества. Коллекция «Мифы и легенды», адресованная юным читателям, возвращает к жизни рыцарей, диковинных животных, таинственных небожителей, которые оставили наиболее заметный след в истории.

АШЕТ ПАРИЖ • ДИАЛОГ МОСКВА